

ХРОНИКА ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР

ВЫПУСК 20-21

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1976

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ-ЙОРК**

***ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ***

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 20—21

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ 1976

ГОД ИЗДАНИЯ — ЧЕТВЕРТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ-ЙОРК**

**«Хроника защиты прав в СССР» составляется редакцией
издательства «Хроника пресс».**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе.

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

**A CHRONICLE OF HUMAN RIGHTS IN THE USSR
is compiled by the editors of the KHRONIKA PRESS.**

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHIALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1976 by KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Группа содействия соблюдению в СССР	
Заключительного акта Хельсинского совещания	5
Осужден Андрей Твердохлебов	9
Суд над Мустафой Джемилевым	13
Заявление Виктора Красина	22
Положение Буковского	25
В защиту Валентина Мороза	27
Заявление Суперфина	28
В защиту Бориса Здорovца	29
Открытое письмо матерей и жен политзаключенных	31
Математики — в защиту Московского Университета	34
<i>Лернер А.</i> Открытое письмо ученым США	35
Американская Академия о правах ученых	37
Женевская декларация о злоупотреблениях психиатрией в политических целях	39
Краткие сообщения	43
Дело Мельчука	49
Personalia	
Семен Глузман	56
Владлен Павленков	59
<i>Амальрик А.</i> Есть ли политзаключенные в СССР?	63
Поправка — Письмо Л. Квачевского	68
Список государств, ратифицировавших Пакт о гражданских и политических правах	69
Библиография	70
Перечень имен	78

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Журнал «Хроника защиты прав в СССР» информирует читателя о событиях, связанных с советскими и западными выступлениями в защиту прав человека и социальных меньшинств в СССР и о том, как власти в СССР защищают и нарушают права человека и меньшинств, при этом основное внимание будет уделяться наиболее типичным нарушениям прав.

«Хроника защиты прав в СССР» не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий. При отборе информации основное внимание уделяется степени её достоверности, что, по мнению издательства, более важно, чем оперативность и полнота публикаций.

Ограниченность объема журнала не позволяет издательству более полно информировать читателей о многочисленных западных выступлениях в защиту прав человека в СССР и о движении советских евреев за выезд в Израиль.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

ГРУППА СОДЕЙСТВИЯ СОБЛЮДЕНИЮ В СССР ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АКТА ХЕЛЬСИНСКОГО СОВЕЩАНИЯ

Под таким названием в Москве в мае этого года создана независимая общественная ассоциация. Возглавляет эту группу член-корреспондент Академии наук Армянской ССР, физик Юрий Орлов. В составе группы — известные деятели советского правозащитного движения Петр Григоренко, Елена Боннэр, Анатолий Марченко, Александр Гинзбург, Виталий Рубин, Людмила Алексеева, Михаил Бернштам, Александр Корчак. В эту группу вошли также Анатолий Щаранский и геолог Мальва Ланда, известная своими многочисленными правозащитными выступлениями.

Как можно понять из сообщений, первым выступлением группы было обращение в защиту Мустафы Джемилева; авторы обращения отметили, что приговор Джемилеву противоречит основным положениям Хельсинского акта.

Деятели Международной лиги прав человека в Нью Йорке Джером Шестак, Эдвард Клайн, Гаррисон Солсбери и другие направили Юрию Орлову приветственную телеграмму, в которой говорится о важности целей группы.

Некоторые западные комментаторы отмечают, что создание группы содействия соблюдению Хельсинского акта важно не только по своим конкретным целям, но и потому, что это еще один пример создания в Советском Союзе независимой от партийного или государственного контроля общественной самостоятельной ассоциации. Известно, что в течение почти всей истории Советского Союза все общественные ассоциации в СССР находятся под партийным или государственным контролем. Хотя право на создание ассоциаций гарантировано Конституцией, однако подзаконные акты и практика таковы, что все вновь создаваемые ассоциации граждан попадают под контроль партийных и государственных органов даже в том

случае, если они по своей тематике совершенно не имеют отношения к политическим или идеологическим вопросам.

Лишь в последние годы советские граждане смогли провести несколько удачных попыток создания не тайных и при этом не контролируемых государством или партией ассоциаций, признанных, к тому же, международными организациями. В 1970 г. был учрежден московский Комитет прав человека, принятый впоследствии в число филиалов Международной лиги прав человека в Нью Йорке и Международного института прав человека в Страсбурге; в 1973 г. была организована группа по изучению проблем помощи политзаключенным — "Группа —73", принятая в число филиалов Международной федерации прав человека в Париже; в 1974 г. была организована советская группа "Международной амнистии". Одним из организаторов всех этих трех независимых ассоциаций был Андрей Твердохлебов, который недавно приговорен к 5 годам ссылки за свою общественную активность.

Советские власти, по-видимому, обеспокоены проявлением активности граждан в создании независимых ассоциаций. В отношении вновь созданной группы реакция властей проявилась быстрее, чем в отношении ранее созданных ассоциаций: по сообщениям, вскоре после объявления о создании группы Юрий Орлов был задержан сотрудниками КГБ и предупрежден о возможных репрессиях, т. к., по мнению его собеседников, деятельность вновь созданной группы — противозаконна.

Группа опубликовала следующее заявление:

Об образовании Общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР

12 мая 1976 года в Москве образована Общественная группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР.

Группа поставила своей целью содействовать соблюдению гуманитарных статей Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Имеются в виду следующие статьи Заключительного акта:

1. Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. Пункт VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу

мысли, совести, религии и убеждений.

2. Сотрудничество в гуманитарных и других областях. 1) Контакты между людьми (в частности — пункт 2 — воссоединение семей). 2) Информация. 3) Сотрудничество и обмены в области культуры. 4) Сотрудничество и обмены в области образования.

Своей первоочередной целью Группа содействия считает информирование всех глав правительств, подписавших Заключительный акт 18.1975 года, а также информирование общественности о случаях прямых нарушений указанных статей. С этой целью Группа содействия:

1) принимает непосредственно от советских граждан письменные жалобы, касающиеся их лично и имеющие отношение к нарушению указанных статей, и в краткой форме переадресовывает их всем главам правительств, подписавших акт, а также общественности; подписанный автором оригинал Группа оставляет у себя;

2) собирает с помощью общественности любую другую информацию о нарушениях указанных статей, обрабатывает ее и с указанием своей оценки достоверности адресует ее соответствующим главам правительств и общественности. В некоторых случаях, когда Группа будет сталкиваться с конкретной информацией об особенных проявлениях антигуманности, например,

- изъятие детей у религиозных родителей, желающих воспитать детей в своей вере;
- принудительное психиатрическое лечение с целью изменения мыслей, совести, религии, убеждений;
- наиболее драматические случаи разделения семей;
- случаи проявления особой антигуманности по отношению к узникам совести,

Группа намерена обращаться к главам правительств и к общественности с просьбами образовать международные комиссии для проверки информации на месте, так как Группа не всегда будет иметь возможность производить собственную прямую проверку столь важной и ответственной информации.

Группа надеется, что ее информация будет учитываться при всех официальных встречах, предусмотренных в Заключительном акте пунктом "Дальнейшие шаги после Совещания".

В своей деятельности члены Группы содействия исходят из убеждения, что проблемы человечности и информационной открытости имеют прямое отношение к проблемам международной безопасности, и призывают общественность других стран-участниц Совещания в Хельсинки образовывать собственные национальные группы содействия, способствующие полному выполнению Хельсинских соглашений правительствами своих стран.

Мы надеемся, что в будущем будет образован также и соответствующий Международный комитет содействия.

Члены Общественной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений:

Людмила Алексеева — Москва, Рижский проезд, 3, кв. 136
Михаил Бернштам — Москва, наб. Горького, 4/22, корп. 5, кв. 192

Елена Боннэр — Москва, ул. Чкалова, 48-б, кв. 68

Александр Гинзбург — Таруса, Лесной пер. 5

Петр Григоренко — Москва, Комсомольский пр., 14, кв. 96

д-р Александр Корчак — Московская обл. Подольский р-н,

Академ. городок, Академическая, 7-а, кв. 30

Мальва Ланда — Московская обл., Красногорск, Чайковского 11, кв. 37

Анатолий Марченко — Иркутская обл., Чунский р-н, Чуна, ул. Чапаева, 18

проф. Юрий Орлов — руководитель Группы — Москва, Профсоюзная, 102, корп. 7, кв. 1

проф. Виталий Рубин — Москва, Телеграфный пер., 7, кв. 13

Анатолий Щаранский — Московская обл., Истра, Кооперативная ул., 8, кв. 4

Май 1976 г. Москва

ОСУЖДЕН АНДРЕЙ ТВЕРДОХЛЕБОВ

16 апреля стало известно о том, что Московский городской суд приговорил к 5 годам ссылки Андрея Твердохлебова, арестованного год назад по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. (Судья — Богданов, прокурор — Праздникова, адвокат — Юдович.) По существующим правилам год, проведенный Твердохлебовым в предварительном заключении в Лефортовской тюрьме, засчитывается как три года ссылки, поэтому, согласно приговору, Твердохлебову предстоит отбыть два года ссылки.*

После суда Андрей Твердохлебов отказался от услуг адвоката и сам подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР. В мае кассационный суд отклонил жалобу и оставил приговор в силе.

Доподлинно не известны подробности обвинения и судебного разбирательства. Согласно поступившим сведениям, Твердохлебову инкриминировались выступления в защиту Плюща, распространение сведений о питании советских заключенных, а также распространение статьи Сахарова "Мир через полвека" и "Письма вождям" Солженицына.

В бюллетене "Совет ньюз" (4 мая), издаваемом в Лондоне советским посольством, упоминается также письмо 5-му Международному конгрессу психиатров, подписанное Твердохлебовым, — по-видимому, имеется в виду обращение, подписанное всеми членами московского Комитета прав человека в июне 1971 г.

Дело Твердохлебова привлекло весьма активное внимание многих правозащитных организаций и многих интеллигентов

* Согласно сообщениям, поступившим в июне, Твердохлебов доставлен на место отбывания ссылки. Его адрес: СССР, Якутская АССР, Ленинский район, поселок Нюрбаган, Твердохлебову А.Н.

на Западе — о некоторых выступлениях в защиту Твердохлебова сообщалось в предыдущих выпусках "Хроники защиты". Незадолго до начала суда многие западные психиатры направили в адрес Мосгорсуда телеграммы, в которых говорилось о том, что выступления в защиту Плюща не должны быть инкриминированы Твердохлебову, тем более что западные психиатры, видевшие Плюща, убедились в его психическом здоровье.

Согласно сообщениям, председатель московской группы "Международной амнистии" Валентин Турчин, комментируя приговор Твердохлебову, отметил, что сравнительная мягкость приговора, по-видимому, объясняется обилием выступлений в защиту Твердохлебова. О деле Твердохлебова опубликовал заявление Андрей Сахаров:

Заявление о деле Твердохлебова

Дело Андрея Твердохлебова привлекло к себе самое пристальное внимание мировой общественности. Многочисленные протесты против его ареста, публикации о нем во всем мире, заинтересованность американского посольства — все оказало, по-видимому, свое действие.

Приговор, вынесенный Твердохлебову, по обычным жестоким стандартам наших политических процессов представляется мягким — достаточно вспомнить о суде над Сергеем Ковалевым. Но нет никаких оснований считать приговор справедливым. Три года активной жизни будет вычеркнуто у Твердохлебова, с такой благородной щедростью отдававшего себя делу защиты справедливости. И самое главное — обвинительный приговор вынесен человеку, никогда не переступавшему черту закона, бесконечно далекому от насилия, всегда озабоченному не политикой, а человеческими страданиями и во всех известных нам случаях говорившему и писавшему только взвешенную и проверенную правду — шла ли речь о политических репрессиях, или о голодном режиме и административном произволе в местах заключения, или о судьбе политзаключенных в специальных психиатрических больницах.

На суде, в ряду других обвинений, особое место заняло письмо Твердохлебова в защиту Леонида Плюща. Эта карта

обвинения, как всем очевидно, позорно бита до начала суда. Уже несколько месяцев как Плющ за границей. Его осмотрели там западные психиатры и признали психически здоровым. Он рассказывает об использовании в СССР психиатрии в репрессивных целях и об условиях в Днепропетровской психбольнице. Но обвинение с упорством, заслуживающим лучшего применения, вопреки широко известным фактам, вопреки логике продолжает доказывать клеветнический характер высказываний Твердохлебова.

Станным было появление на суде заключенных, отбывающих наказания за военные преступления во второй мировой войне. Именно они были привлечены в качестве свидетелей, чтобы опровергнуть высказывания Твердохлебова о тяжелых условиях и произволе в местах заключения. Несостоятельны и остальные обвинения, вошедшие в приговор. Твердохлебов, например, якобы распространял, перепечатывая на машинке, "Письмо вождям" Солженицына, мои возражения по поводу этого письма, мою футурологическую статью "Мир через полвека" — и все это, по мнению обвинения, делалось с клеветнической целью, чтобы обогатить политику партии и подорвать марксистско-ленинскую идеологию, "необходимую для победы в экономике и войне" (цитирую по обвинительному заключению). Но интерес к идеологическому спору не может и не должен считаться уголовным преступлением, так же как та или иная оценка литературного творчества и взглядов изгнанного писателя.

На суде ни слова не было сказано, что Андрей Твердохлебов — один из организаторов Комитета прав человека, секретарь советской группы "Эмнисти Интернейшнл", о его роли в защите несправедливо осужденных в СССР и во всем мире — в Индонезии, в Шри Ланка, в Корее и в других странах. Но судили его именно за это, за его активную любовь к людям и к справедливости, за международные контакты. Не будем же забывать об этой подоплеке его процесса.

Осуждение, преследование за убеждения, за открыто произнесенное слово, за ненасильственные действия в защиту несправедливо страдающих — жгучий позор для государства, в котором подобное возможно. Сегодня осуждены Твердохлебов,

Ковалев и Джемилев. Вчера — Буковский, Любарский, Сергеев, Осипов, Романюк, Светличный и сотни других, ведущих сейчас отчаянную героическую борьбу со слепой карательной машиной за свое человеческое достоинство, за саму жизнь. Завтра это могут быть новые, столь же невинные жертвы.

Требуйте немедленной отмены несправедливого приговора. Требуйте освобождения Андрея Твердохлебова и других узников совести.

Андрей Сахаров

3-го мая 1976 г. Москва

НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ САХАРОВА

**опубликована в новом сборнике его произведений
под общим заглавием**

"О СТРАНЕ И МИРЕ"

212 стр.

цена 6.00 долл.

СУД НАД МУСТАФОЙ ДЖЕМИЛЕВЫМ

С 12 по 15 апреля в Омске состоялся суд над Мустафой Джемилевым. Он приговорен к двум с половиной годам лишения свободы по обвинению в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй.

Подробности об этом суде и об обстановке около суда известны из следующих заявлений в его защиту.

А. Некрич

Смеем ли мы молчать?

**Заявление для печати по поводу суда в Омске над
Мустафой Джемилевым**

В Омске только что закончился суд над Мустафой Джемилевым.

Крымский татарин Джемилев отдал многие годы своей жизни борьбе за восстановление гражданских прав крымскотатарского народа и возвращение его на историческую родину в Крым, откуда крымские татары были насильственно депортированы в мае 1944 г. Хотя незаконность этого акта была позднее признана советским правительством и формально права крымских татар были восстановлены, им не дают жить на земле своих отцов.

Джемилев за активность в пользу своего народа неоднократно приговаривался к заключению. Сейчас, накануне истечения срока, он снова был предан суду по обвинению в антисоветской пропаганде.

Ясно, что Джемилева боятся выпустить на свободу.

При судебном разбирательстве в Омске 12-15 апреля 1976 г. обвинение против Джемилева рассыпалось в прах: главный

свидетель обвинения, сокамерник Джемилаев Владимир Дворянский, отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, и заявил, что эти показания он подписал под давлением следователя, которое продолжалось на протяжении целого года. Дворянский сообщил суду ужасающие подробности ведения следствия, и, несмотря на продолжающееся давление, этот 26-летний человек нашел в себе мужество сказать на суде правду. Будем помнить об этом.

Естественно, что и атмосфера вокруг судебного разбирательства в Омске была пронизана духом произвола и конченостности. Из 16 родственников и друзей Джемилаева, приехавших на процесс, допущены были только четверо. Двое из них — брат и сестра обвиняемого — были удалены из зала суда во время последнего слова Джемилаева. Прибывшие на суд из Москвы академик Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр не только не были допущены в зал судебного разбирательства, но подверглись оскорблениям и физическому насилию.

Суд, вопреки фактам и попирая элементарные нормы права, вынес Джемилаеву обвинительный приговор — 2,5 года лагерей строгого режима.

Этот приговор может стать для Джемилаева смертным.

Физическое состояние Джемилаева чрезвычайно опасное: у него частичная атрофия печени и тяжелое сердечное заболевание. С июля 1975 г. Джемилаев держал голодовку и снял ее лишь 15 апреля 1976 г. во время суда, по настоянию родных. Он весит сейчас 35 кг.

Спасти его может только немедленное освобождение и экстренные медицинские меры.

Мир уже был свидетелем гибели Галанскова, самоубийства Габая. Тяжело болен находящийся во Владимирской тюрьме Владимир Буковский. Страшна участь тех, кто заключен в "психушки".

Я обращаюсь ко всем людям, считающим себя порядочными:

Не закрывайте глаза на творящиеся произвол и беззакония. И я спрашиваю вас: "Смеем ли мы молчать?!"

Я обращаюсь прежде всего к своим коллегам, историкам

в СССР и за рубежом, к историкам, которые по своему профессиональному долгу обязаны поддерживать огонь истины, зажженный Прометеем:

Встанем на защиту Джемилева, Буковского, Суперфина, Ковалева и других, томящихся в заключении за свои убеждения. Будем бороться за амнистию политическим заключенным во всем мире, но прежде всего в своей собственной стране. Сегодня нужно спасти Джемилева.

В этом наш долг, человеческий и профессиональный.

И отрешимся от постыдного молчания.

17 апреля 1976 г.

* * *

А. Сахаров

Заявление для прессы

Суд в Омске над Мустафой Джемилевым происходил в обстановке вызывающего беззакония. Из 16 родственников и друзей Джемилева на суд были допущены лишь четверо ближайших родственников, но затем двое из них были удалены из зала за мнимое нарушение порядка. Судья лишил обвиняемого последнего слова. На слушание приговора было допущено лишь двое ближайших родственников. На все время суда была нарушена телефонная связь Омска с Москвой.

Я не буду здесь обсуждать существа судебного дела — судебной расправы над честным и мужественным человеком, стоящим на грани гибели после 10 месяцев голодовки и осужденным на основании показаний единственного свидетеля, отказавшегося на суде от своих данных под давлением показаний. Это требует более детального разбора. Но именно в попытках скрыть беззаконие, которое происходило в здании суда, — главная причина всех остальных беззаконий. Я остановлюсь лишь на инциденте столкновения моего и моей жены с работниками КГБ, переодетыми в штатское. Это, по-видимому, необходимо, так как в мировой печати допущено много неточностей при обсуждении этого инцидента. Работники КГБ не пускали в зал заседаний друзей и родственников подсудимого, подобно тому, как это делается на всех политических процессах, применяя при этом грубое физическое насилие. В част-

ности, такое насилие было применено ко мне и моей жене. Я ударил по лицу одного или двух работников КГБ.

Я заявляю, что эти мои ответные действия не носили преднамеренного характера, так же как и аналогичные действия моей жены. Это была непосредственная реакция на насилие, на издевательства над чувствами друзей и родственников, издевательства над законом, на всю трагическую обстановку этого процесса и других политических процессов в нашей стране. В отделении милиции я написал заявление, в котором отметил беззаконие суда и извинился перед пострадавшим работником милиции, но подчеркнул, что милиция в данном случае стала на сторону нарушителей закона. Моя жена отказалась от каких-либо письменных объяснений. На другой день, после незаконного удаления из зала заседаний суда брата и сестры Джемилева, я и моя жена потребовали прекратить продолжающиеся нарушения и вновь подверглись насилию. Мы были доставлены в отделение милиции, где моя жена потребовала медицинского осмотра, выявившего обширные кровоподтеки — последствия насильственных действий работников КГБ. В милиции к нам относились корректно, вопреки первоначальному сообщению, переданному с искажениями из-за плохой связи из Омска окольным путем. Я не исключаю, что против меня будет возбуждено уголовное дело. В этом случае суд должен выявить первопричину инцидента, заключающуюся в нарушении законности органами КГБ и суда. Я заявляю, что два заявления ТАСС, посвященные этому инциденту, абсолютно лживы. Ложь, что мы якобы учинили драку с возмущенными гражданами около здания суда. Но главная ложь — что мы нарушили общественный порядок внутри зала судебного заседания. Мы не могли бы этого сделать по той простой причине, что три шеренги работников КГБ даже близко не подпускали к залу нас и других друзей и родных подсудимого. И в этом суть всего дела.

17 апреля 1976 года.

Лицо бесчеловечья

14 апреля 1976 года в городе Омске судили Мустафу Джемилева.

Почему в Омске? Потому что последний свой срок Мустафа отбывал в лагере неподалеку от Омска. Это раз. Потому что Омск — город, представляющий большие удобства для проведения любого открытого суда: он крепко-накрепко закрыт для иностранцев. Это два. Тут, вдали от корреспондентского глаза, сподручнее производить отбор, кого впустить, кого оставить под дверью. Подобная сортировка производится у нас во всех городах, хотя бы и в Москве. Но в Москве шуму не оберешься. А в Омске... Кого там заботит татарин Мустафа Джемилев? Он такой же чужак среди тамошних жителей, как тайге вокруг Омска чужды кипарисы.

Однако в полном беззвучье и безлюдье процесс Мустафы Джемилева провести не удалось — даже в Омске. Недаром четверть своей жизни прожил Джемилев в тюрьме и в лагере (восемь лет, а ему тридцать три). Трижды откладывался суд, и трижды за тысячи километров прилетали в Омск его сородичи и друзья. Прилетели и четвертый — из Узбекистана, с Украины, из Орла, из Москвы, всего 16 человек, но мест для них в зале суда не нашлось. Сначала не пустили никого, потом только ближайших родных, да и то не на все время суда.

Подумайте сами: к чему вообще на суде родные и друзья подсудимого? Это не та публика, в которой нуждается суд. Отойдите, граждане, не мешайте работать. Граждане, зал не резиновый. На всех не напасешься. Сами видите, сколько народу. (Суд-то ведь у нас не какой-нибудь, а открытый, публичный, как же без публики? Мы закон соблюдаем: заблаговременно с черного хода введена в зал своя родная, особая, отборная публика.) Приезжие посидят за дверью. Мать? Ну, мать, пожа-

луй, пустим. Она, конечно, мать, а мы, конечно, гуманисты. Как же это — мать не пустить? Разве можно? Когда надо — пустим, когда надо — выведем. Ну ладно уж, братьев и сестру, остальные за дверь. А начнут фордыбачиться — им уготованы синяки и прогулка в милицию: мешают работать суду. Та же заблаговременная публика и руки скрутит, и по коридору проволочит: умельцы, профессионалы, для них это дело привычное.

Почему я пишу о процессе Мустафы Джемилева? Надеюсь ли помочь ему? Нет. Но на этом суде с такой очевидностью являли себя черты бесчеловечья, что не запечатлеть их грешно. Начинаю с конца. Священное право каждого подсудимого, кем бы он ни был, — выговорить свое последнее слово, последний раз обратиться к уму и сердцу судей, воззвать к их чувству справедливости, долга и чести. Право подсудимого на последнюю речь, длинную или короткую, охраняется законом во всех странах мира. Охраняется оно и советским законом. На бумаге. В действительности же редко получает подсудимый возможность произнести свою речь до конца, в особенности в тех случаях, когда занят он не опровержением хитро сплетенных клеуз, а обосновывает в последней речи суть своей мысли, причину причин своих действий.

Судья не дал Мустафе Джемилеву произнести последнее слово, а между тем обрывать Мустафу — это не только преступление против закона, но и преступление против человечности.

Джемилев предстал перед судом после 10 месяцев голодовки. "Предстал" тут не совсем уместное обозначение: стоять у него не было сил. Отвечая на вопросы судьи, прокурора, защитника, он кое-как поднимался со скамьи подсудимых, поддерживали его с двух сторон конвоиры. Но еще труднее, чем стоять, было ему говорить. Он шевелил губами и шелестел. Каждое слово — пытка, физическая пытка, потому что в течение 10 месяцев его, чтобы он не умер от голода, насильно кормили через зонд, а зонд, ежедневно вставляемый в горло, не может не оцарапать гортань. К тому же Мустафа тяжело болен. Болезнь сердца, болезнь желудка, атрофия печени.

А у судьи — атрофия человеческих чувств. Он — тот сытый, который не понимает голодного, тот здоровый, который не

разумеет больного, тот судья, чье судейское кресло прочно, всеми четырьмя ногами оперто на помост КГБ. Он тот — бесчеловечный, кто способен спокойно оборвать последнее слово подсудимого, зная, что оно, быть может, есть предпоследнее слово, выговариваемое Мустафой на земле.

Не мешайте ему говорить, — просит брат Мустафы. Судья удаляет его из зала, как удалил и сестру, "за нарушение порядка".

Порядка?

О, когда же наконец в Советском Союзе будет нарушен порядок, позволяющий власти затыкать говорящим рты?

Конституция СССР обеспечивает гражданам свободу слова. Законы тоже обеспечивают, но две формулы, необъятные по своей пустоте и емкости, "антисоветская пропаганда" и "антисоветская клевета", обеспечивают уничтожение этой свободы, да и человека зараз, вне зависимости от того, говорит он правду или лжет. "Что у кого болит, тот о том и говорит". Так, например, у Мустафы Джемилева болит Крым. Он о нем и говорит. Татары, насильственно и бесстыдно выселенные в 1944 году из Крыма, желают вернуться в возделанный ими и возлюбленный ими Крым. Почему в мирной речи Джемилева надо непременно расслышать "антисоветскую пропаганду", а не вполне естественный призыв к открытому, громкому, всенародному обсуждению гноящегося, саднящего вопроса? Почему надо непременно загнать боль внутрь, а человека в гроб? Почему вообще каждая работающая мысль, рожденная живою болью, есть антисоветчина? Понятие "антисоветчина" столь же неопределенно, сколь и вместительно. Это воистину ненасытная прорва, пожирающая людские мысли и судьбы, сотни и тысячи судеб — безгласно, бесследно, бесплодно.

Сейчас, кроме судьбы Джемилева, меня заботит судьба еще одного человека, причастного к процессу Мустафы. Фамилия Дворянский, возраст — 26 лет. На нем, на его показаниях весь процесс собственно и держался. Дворянский тоже лагерник, но я не знаю даже — уголовник или политический. Его лагерное прошлое неведомо мне, а от предстоящего волосы становятся дыбом.

Джемилева судили за "антисоветскую пропаганду", которую

он будто бы продолжал вести, отбывая срок заключения неподалеку от Омска. Кто слышал от него недозволенные слова? Дворянский. Новое следствие над Джемилевым, уже отбывшим очередной срок, началось, когда до воли ему оставалось три дня. Ворота лагеря откроются перед тобою вот-вот, но напрасно ты считаешь часы, воли тебе не видать, против тебя начато новое дело. Протестуя против этого обдуманного, изощренного издевательства, Джемилев и объявил голодовку.

Не помогло. Его насильно кормили через зонд и 14 апреля, полуживого, привезли в суд. И тут совершилось чудо, иначе свершившееся я назвать не могу. Свидетель Дворянский — тот самый, на чьих показаниях основывался весь затеянный заново суд, — распрямился в полный человеческий рост и в полный человеческий голос заявил суду, что показания его, данные им на следствии против Джемилева, — ложь. (Так, наверное, человек выходит из укрытия навстречу пулям.) Дворянский заявил, что ложные показания на следствии были даны им под давлением. В ход были пущены посулы, карцер, угрозы. Он сопротивлялся, в карцер его таскали пять раз. Дашь показания на Джемилева — переведем тебя поближе к дому, сократим тебе срок. Не дашь — худо будет и тебе, и семье твоей, пеняй на себя. Вот он и оболгал Джемилева. А теперь заявляет: ничего порочащего советский строй никогда он от Мустафы не слышал.

Мне не известно, кем Дворянский был ранее, но на суде он повел себя как человек. Доблестный человек. А вел ли себя как человек судья?

Я не юристка, но и не имея юридического образования, на основе простого здравого смысла, я знаю, твердо и точно знаю, что обязан был сделать в этом случае судья.

Немедленно освободить Джемилева: ведь обвинение-то рухнуло? Немедленно завести уголовное дело против следователей, вымогавших ложные показания у Дворянского.

Но это могло бы произойти в том случае, если бы суд решал дело по правде и по закону. Тогда заявление Дворянского все изменило бы. Суд же решал дело по неправде и незаконно, а главное — по заранее данному распоряжению свыше.

Видела ли я это распоряжение? Нет, не видела. Таких распоряжений никогда не видит никто. Мы испытываем только их результаты.

Суд вынес приговор Мустафе Джемилеву: два с половиной года исправительно-трудовых лагерей строгого режима за антисоветскую пропаганду. Два с половиной года, да еще три дня, не досиженные трое суток, оставшиеся от предыдущего срока.

Суд вынес также "особое определение" привлечь к уголовной ответственности ... кого? вы полагаете — следователей, вымогавших у Дворянского ложные показания? Нет, привлечь к ответственности Дворянского. За что? За дачу ложных показаний. Так. Которых же? Тех, что он дал в лагере? Нет, на суде. Вот оно — лицо бесчеловечья.

23.4.76, Москва

* * *

Известны и другие выступления в защиту Джемилева. Сообщают, в частности, о заявлении на эту тему, подписанном 268-ю крымскими татарами.

В защиту Джемилева выступила также недавно созданная группа содействия соблюдению в СССР положений Заключительного акта Хельсинского совещания (см. этот выпуск).

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

Сборник публицистических произведений

Лидии Корнеевны Чуковской

"ОТКРЫТОЕ СЛОВО"

выпущен издательством "Хроника"

111стр.

цена 5.00 долл.

♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦ ♦

ЗАЯВЛЕНИЕ ВИКТОРА КРАСИНА

Издательством "Хроника" в Нью Йорке опубликованы материалы о суде над С. Ковалевым, участником движения за права человека в Советском Союзе. Из этих материалов я узнал, что на суде С. Ковалева обвинение использовало показания, данные мною в 1973 году на следствии по делу № 63, по которому П. Якир и я были обвинены в антисоветской подрывной деятельности.

Поскольку следственные и судебные власти в Советском Союзе продолжают пользоваться этими показаниями и, возможно, будут пользоваться ими и дальше, я решил сделать это заявление.

Показания и покаянные заявления на следствии, суде и последовавшей затем пресс-конференции* были сделаны мною под давлением и вопреки моей совести. В течение первых двух месяцев после ареста, когда я отказывался давать показания, мне постоянно угрожали ст. 64 УК РСФСР ("измена родине") и расстрелом.

Я не буду перечислять все варианты, в которые облекались эти угрозы, приведу лишь наиболее характерные:

"Вы хотите быть примером человека, которого нам не удалось сломить? Хотите нести знамя? Несите. Но знаете, расплата будет одна — расстрел".

"Если мы Вас расстреляем, то завтра все ваше так называемое демократическое движение прекратится".

"Мы Вас поставим к стенке, но не дадим поломать это дело".

В течение ряда лет КГБ не смог подавить движение за права человека в Советском Союзе, в том числе — выход "Хроники текущих событий". Тогда карательные органы сделали ставку на то, чтобы провести показательный процесс, который должен был деморализовать и расколоть движение за права человека.

После многократных и категорических заверений, что меня

* См. "Хронику защиты", вып. 3 и 4 — ред.

расстреляют, если я сорву им этот процесс, я поверил в эти угрозы. Страх перед насильственной смертью в конце концов сломил меня, и я начал давать показания. .

О том, что мне угрожают смертной казнью, мне удалось сообщить на волю в период следствия на одной из очных ставок. К сожалению, эта информация не получила широкой огласки, и многие до сих пор не знают главной причины моего падения.

Я никогда не разделял тех мыслей, которые высказывал на следствии, суде и пресс-конференции. Я считал и считаю, что в Советском Союзе власти незаконно преследуют людей за убеждения; что этим нарушаются основные права советских граждан; что карательные органы в борьбе с инакомыслием не останавливаются перед самыми жестокими расправами — истязают на следствии, калечат в лагерях и духовно убивают в психиатрических тюрьмах безвинных людей.

Я категорически протестую против того, что власти используют мои показания, данные в состоянии отчаяния, когда я уже не контролировал свое поведение. Всех, кому эти показания могут быть предъявлены, я прошу ссылаться на это мое заявление и отвергать их как полученные под противозаконным давлением и не имеющие юридической силы.

Я глубоко чувствую свою вину перед всеми, на кого я дал показания, и прошу прощения у них, а также у всех моих друзей, которым я причинил боль и горечь своим недостойным поведением.

В. Красин

20 апреля 1976 г.

* * *

P.S. После того, как было написано это обращение, я понял, что я должен сделать то, чего не решался сделать до сих пор.

Выехав из Советского Союза, я молчал больше года. Причиной тому был страх, который они мне внушили, а также подачки, которые я от них принимал.

После освобождения из Лефортовской тюрьмы в октябре 1973 года меня направили в ссылку не в Сибирь, как всех политических ссыльных, а в г. Калинин. Там мне дали двухкомнатную новую квартиру. Устроили на работу по специальности,

ПОЛОЖЕНИЕ БУКОВСКОГО

Сообщение для печати

17 мая с. г. я узнала о преступных действиях администрации Владимирской тюрьмы по отношению к моему сыну, Владимиру Буковскому. Сотрудница Главного управления медицинской службы МВД СССР З. Калынчек сообщила мне, что моего больного сына 19 февраля водворили в одиночную камеру. Мне известно, что его подвергли новому истязанию голодом — шестимесячному голодному строгому режиму, с первым месяцем страшного "пониженного питания". Помещение сына в одиночку — это новый акт грубого насилия над ним. В одиночке можно чинить над человеком любой произвол, и никто об этом не узнает, да и поделиться куском хлеба с умирающим от голода товарищем, вызвать ему врача в случае крайней надобности — некому. К тому же это уже третье подряд наказание Владимира Буковского голодом за его отказ от принудительного труда, за его требование статуса политзаключенного. В июле прошлого года он был брошен за это в ледяной карцер на 15 суток, на хлеб и воду, а затем, с 29 июля, переведен на 6-тимесячный строгий режим, с первым месяцем "пониженного" питания. А теперь, через 22 дня по окончании срока строгого режима, снова брошен на такой же голод, опять на 6 месяцев.

19 февраля с. г. сын заявил посетившей его сотруднице медицинской службы МВД Калынчек о своем решении объявить голодовку в знак протеста против произвола тюремщиков. Из слов этой сотрудницы я поняла, что Владимир держит голодовку по сей день, т. е. уже три месяца, добиваясь выполнения своих требований. Он начал эту бессрочную голодовку больным, в состоянии крайнего истощения и в весеннюю пору, когда обостряются болезни (он страдает язвой 12-перстной кишки и болезнью печени). И если мой сын еще не умер, то дни его безусловно

уже сочтены. Писем от него мне не отправляют из тюрьмы уже седьмой месяц, а на мои телеграммы с запросом, жив ли он, — не отвечают уже около месяца. Я намерена добиваться немедленного свидания с сыном.

Одновременно я обратилась к министру внутренних дел СССР Щелокову и в Президиум Верховного Совета СССР к Н.В. Подгорному с просьбой выдать мне сына на поруки или под денежный залог с тем, чтобы он мог отбыть остающийся ему срок заключения под домашним арестом. Это даст возможность по крайней мере сохранить ему жизнь.

*Мать Владимира — Нина Ивановна Буковская
Москва, 18-25 мая 1976 г.*

* * *

Известно много выступлений в защиту Владимира Буковского.

Шведское отделение Пен-клуба избрало Владимира Буковского своим почетным членом.

* * *

Член западногерманского бундестага социал-демократ Шульц обратился к заместителю министра юстиции Сухареву с призывом содействовать освобождению Владимира Буковского.

* * *

В защиту Буковского (а также Мустафы Джемилева, Андрея Твердохлебова и Сергея Ковалева) выступила группа французских и восточноевропейских интеллигентов, в том числе Раймон Арон и Пьер Эммануэль.

В ЗАЩИТУ ВАЛЕНТИНА МОРОЗА

*Общественная группа содействия выполнению
Хельсинских соглашений в СССР*

Обращение

**к главам государств, подписавших Заключительный акт
Совещания по безопасности и сотрудничеству народов Европы**

В "Эмнисти Интернэйшнл"

Национальным ассоциациям психиатров

**Инициативному комитету против злоупотреблений психиатрией
в политических целях**

Пэн-клубу

Нам стало известно, что украинский писатель и журналист Валентин Мороз после 6 лет пребывания в тюрьме направлен на психиатрическую экспертизу в Институт имени Сербского.

Эксперты этого института снискали печальную известность тем, что признали в свое время душевнобольными П.Г. Григоренко, В. Файнберга, Л. Плюща и других психически здоровых инакомыслящих. Мы опасаемся, что эта участь ждет и В. Мороза.

Мы обращаемся к вам с просьбой образовать международную комиссию психиатров для объективного выяснения психического состояния В. Мороза.

Обследование в Институте имени Сербского должно закончиться к 10 июня. По-видимому, сразу после этого состоится решение экспертной комиссии Института о В. Морозе. В связи с этим создание международной экспертной комиссии не терпит отлагательства.

Члены Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений: **Ю. Орлов, В. Рубин, Л. Алексеева**

Примечание редакции.

По сообщению, поступившему в июне, В. Мороз признан психически здоровым и направлен в лагерь для продолжения отбывания срока наказания.

ЗАЯВЛЕНИЕ СУПЕРФИНА

(Адресат неизвестен)

Прошу убедительно Вас официально подтвердить, что книги, входящие в Библию, являются не только религиозными, но и литературными памятниками.

Если можно — вышлите, пожалуйста, заверенную копию соответствующих мест в статьях в томе "Поэзия Древнего Востока", перечисление Библейских книг, помещенных в указанном томе, с ссылками на страницы издания.

Было ли еще предпринято в последнее время издание новых переводов из Библии (в частности, в сборнике "Проза Древнего Востока")?

Я вынужден обратиться к Вам потому, что в виде меры атеистической борьбы (иным мотивировать невозможно) у меня 22-го января с.г. изъято советское (Моск. Патриархия, 1968) издание Библии, а доказать, что ныне официальное отношение к данной Книге отличается выгодно от прежнего, конца 20-х — нач. 40-х годов, иными путями нельзя. Мои личные доводы во внимание не принимаются, мне со своей стороны остается избрать крайние меры*; а Вас, как и других людей, ведающих реальным положением дел в данном вопросе, к которым я собираюсь также обратиться, прошу не отказать мне в том содействии, о котором идет речь в настоящем заявлении.

С глубоким извинением за обращение и с уважением

Г. Суперфин

5 февраля 1976 г., Владимир

* По-видимому, Суперфин имеет в виду голодовку протеста. Он объявил ее 22 января (см. об этом "Хронику защиты" 19). По недавним сведениям в феврале, после настойчивых просьб друзей Суперфин прекратил голодовку. Голодовка продолжалась 33 дня — *ред.*

Генеральному Прокурору СССР
Копия: Совету родственников узников ЕХБ от верую-
щих Евангельских христиан-баптистов Харьков-
ской обл. УССР

В ЗАЩИТУ БОРИСА ЗДОРОВЦА

Нам стало известно, что по отношению к нашему единоверцу Здоровцу Борису Максимовичу, находящемуся в заключении за исповедание Слова Божия в лагере строгого режима г. Перевальска п/я 314/15, администрацией лагеря применяются незаконные меры с целью:

1. Создать условия для продления срока заключения. Для этой цели органами КГБ был завербован заключенный, с которого постоянно требовали давать компрометирующие показания в нарушении лагерного режима на Здоровца Б.М., в чем тот и признался перед ним.

2. Путем террора привести к увечию и гибели. Группа заключенных (до 15 человек) силою затащили Здоровца Б.М. в секцию, где учинили над ним самосуд, а затем, угрожая в следующий раз проломить голову, выбросили его во двор. Проходивший мимо начальник отряда видел это. На просьбу Здоровца принять меры по пресечению подобных действий, тот, напротив, одобрил их бандитскую акцию, сказав: "Так тебе и надо. Правильно они делают". Мы считаем, что подобные действия администрации лагеря являются преступным попустительством к совершению беззакония против нашего единоверца. Заявление же начальника является подстрекательством к совершению физической расправы над Здоровцом Борисом Максимовичем. Мы глубоко обеспокоены за его жизнь, так как в прошлом имеем целый ряд подобных фактов с другими нашими единоверцами-узниками, которые привели к трагическим последст-

*В Международную организацию "Амнистия",
Лондон-Нью Йорк
В Европейскую комиссию по правам человека,
Страсбург*

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАТЕРЕЙ И ЖЕН ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Дорогие друзья!

К вам обращаются матери и жены политзаключенных Советского Союза.

Вам безусловно уже известны бесчеловечные условия содержания политзаключенных, в частности, узников Владимирской тюрьмы. Но теперь администрации мало прежних мер — мало пытки голодом, мало того, что она лишает заключенных дневного света и воздуха; мало мучительного наказания карцером, от которого необратимо теряют здоровье; мало наказания трудом в условиях, грубо нарушающих нормы охраны труда.

С недавнего времени администрация стала *отнимать* у наших близких, томящихся в заключении, последнее, что они имели, — *право писать и получать письма от своих друзей и близких*. Редкие свидания, предоставляемые узнику по закону, местные власти лагерей и тюрем все чаще и грубее отбирают. *С потерей возможности писать и получать письма — обрывается последняя связь человека с близкими*. Он обрекается на абсолютную изоляцию от внешнего мира. И для оставшихся на воле — полная, непроходимая изоляция от близкого, дорогого человека.

До крайней степени отчаяния доведена мать Владимира Буковского, тяжело заболела мать Габриэля Суперфина, с сердечными приступами слегла мать Олеся Сергиенко.

Еще бы! Мать Буковского не имеет писем от сына с ноября прошлого года; мать Суперфина около четырех месяцев лишена известий о сыне; то и дело задерживают письма Олеся Сер-

гиенко к матери.

За последние месяцы более сорока писем друзей и родственников не передано Кронииду Любарскому. Среди них более десяти писем священника С.А. Желудкова, посвященных религиозно-этическим проблемам, письма искусствоведа М.С. Бернштама по вопросам искусствоведения и философии, письма астрономов Н.П. Ольховой и Б.М. Владимирского, освещающие вопросы астрономии (Любарский — астроном), письма математика Ю.А. Шихановича. Не пропустили даже письма школьницы Анастасии Подъяпольской с портретом ее отца — друга Любарского, который девочка нарисовала.

Письмо, написанное самим заключенным, конфискуется и не пропускается до тех пор, пока оно не станет пустым по содержанию и не сократится в объеме в 10-20 раз, буквально до нескольких строк.

И без этого — по закону — заключенный имеет право отправить из тюрьмы только одно письмо в месяц (а то и одно письмо в два месяца — на строгом режиме). И этого единственного его лишают!

”Никакой философии, никаких размышлений, никаких особенных изъятий чувств — все должно быть примитивно и коротко”, — вот новое самочинное требование цензоров.

А ведь письма от заключенного это — и утешение матери, и поддержка жены, и сообщение хотя бы незначительных сведений о себе (эти сведения жестко лимитируются цензурой), и ласковые слова детям; ответ другу; и научное исследование по структуральной антропологии Г. Суперфина, и размышления по философско-этическим вопросам К. Любарского, и биологическое эссе В. Буковского, и отечески наставляющие обращения к маленькой дочери Г. Давыдова.

Но... — ”... Я делаю третью попытку написать письмо. На этом с моей стороны переписка прекращается, — пишет Любарский. — Это письмо последнее. Всякое терпение имеет предел”.

Письмо Габриэля Суперфина матери пропустили лишь после того, как он четыре раза переписал, сократил и изменил его; 4-й вариант письма цензор пропустил, отправил матери.

Наши близкие беззащитны против издевательских требова-

ний тюремщиков. Цензура придумала и использует "универсальный" повод конфискации писем: "подозрительное по содержанию" — тут полный произвол для администрации: возможность "воспитывать", мстить за жалобы и протесты.

Ссылки на законы вызывают у этих ожесточенных чиновников только циничные реплики. "У нас есть законы, а есть и подзаконы, — заявил заместитель начальника Владимирской тюрьмы по режиму Федотов матери Буковского. — Пишите жалобы куда хотите, но сознайтесь: ведь вам ни разу не удалось добиться хоть каких-нибудь результатов".

Тщетными, безрезультатными остаются все наши заявления, жалобы в прокуратуру и другие контролирующие инстанции. Тюремщики пытаются физически и духовно убить наших родных, оборвать последние нити связей: письма и свидания. И так долгими месяцами мы не видим наших близких, и так дети забывают своих отцов (а то и матерей, если политзаключенный — женщина), а теперь все труднее получить редкую встречу.

Больного отца заключенного Менделевича уже два года лишают свидания с сыном. У приговоренного к 15 годам лагеря Юрия Федорова два раза отнимали свидание, и он не видел жену и маленькую дочь более года. Богдана Ребрика (лагерь особого режима) лишили свидания с малолетней дочерью. Старенькая мама Мустафы Джемилева, держащего более восьми месяцев голодовку, приехала к нему в Омскую тюрьму с другого конца страны и умоляла хоть издали показать ей сына, чтобы знать, что он жив, но Мустафу она так и не увидела.

Кто же положит конец этим новым беззакониям, этому усиливающемуся произволу, этой жестокости?! Кто избавит наших сыновей и мужей от невыносимых страданий?!

Неужели для того, чтобы кто-то наконец помог, нужно дожидаться голодной смерти Владимира Буковского, Мустафы Джемилева или Валентина Мороза??

Матери и жены политзаключенных:

Н. Буковская, О. Мешко (Сергиенко), Г. Салова (Любарская), Н. Бузырова (Федорова), В.Исакова (Давыдова) и другие.

* * *

Просим обратить *особое* внимание на это письмо и сделать его известным как можно шире.

Оно — свидетельство того, что лагеря и тюрьмы Советского Союза предназначены для систематического и окончательного разрушения личности, духовного и физического.

И весь этот беспримерный вандализм, принявший уже характер неистовства, творится по всей стране на глазах и с одобрения властей.

19 марта 1976 г.

Ю. Орлов
А. Сахаров

Инициативная группа защиты прав человека в СССР:
Т. Великанова
Т. Ходорович

МАТЕМАТИКИ — В ЗАЩИТУ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Игорь Шафаревич, один из наиболее уважаемых в мире математиков, был отстранен от чтения лекций в Московском университете. Не было дано никакой официальной причины, но известно, что Шафаревич принадлежит к сахаровскому Комитету прав человека и что он является автором нескольких статей, расходящихся с официальной советской идеологией. Мы сожалеем об этом нарушении академической свободы, которое лишает студентов Московского университета прекрасного учителя и которое делает их университет менее знаменитым центром науки.

Ларс В. Алфорс, Харвард; Майкл Артин, МИТ; Атия, Оксфорд; Липман Берс, Колумбия; Арманд Борел, ИАС; Рауль Бот, Харвард; Ричард Брауэр, Харвард; Хейсукэ Хиронака, Харвард; Натан Якобсон, Йель; Дин Монтомери, ИАС; Марстон Морс, ИАС; Дж.Д. Мостоу, Йель; И.М. Зингер, МИТ; Шломо Штернберг, Харвард; Джон Тейт, Харвард; Андре Уейл, ИАС; Хаслер Уитни, ИАС; Оскар Зариски, Харвард.

(Опубл.: Notices, June 1976)

Проф. А. Лернер

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО УЧЕНЫМ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Дорогие друзья и коллеги!

В связи с полемикой в США по вопросу о выборе наиболее эффективной формы поддержки учеными своих преследуемых советских коллег, обсуждаемой, в частности, в статье Колина Нормана (*Nature*, Vol. 259, Jan. 22, 76), мне представляется уместным высказать свои соображения по этому вопросу, основанные на многолетнем личном опыте.

Я принадлежу к немалочисленной категории советских ученых и специалистов еврейской национальности, поставленных властями в тяжелейшее положение за то лишь, что они пожелали соединиться со своими семьями и со своим народом, жить и работать в государстве Израиль. Многим из нас было отказано в реализации нашего бесспорного права, официально признанного Советским Союзом, — права на свободу выбора места жительства. В качестве предлога для отказа используется пресловутая "секретность", которая фигурирует в официальных заявлениях советских властей как единственная причина задержки в разрешениях на выезд.

Не следует думать, что решение об отказе в разрешении на выезд выносится в результате легальной процедуры с участием заинтересованного лица или его адвоката. Этого не было никогда. Решения эти принимаются заочно, какими-то неведомыми органами и объявляются только устно и без всяких оснований. Во многих случаях отказы обрушиваются на научных работников, никогда не имевших отношения к секретам государства (Виталий Рубин, Владимир Лернер, Анатолий Щаранский и др.). Часто не разрешают выезд ученым и специалистам, работы которых давно рассекречены или потеряли значение

для безопасности государства за давностью (Владимир Слепак, удерживаемый 6 лет после подачи документов на выезд, Александр Лернер — 4,5 года, Григорий и Исаия Гольдштейны — 4 года, Дина Бейлина — 4 года и многие другие).

Существенно, что возможность обжалования незаконного или несправедливого решения фактически полностью исключена. Так и получается, что эта мифическая и "неустаревающая" секретность становится непреодолимым препятствием для выезда многих ученых, которые в течение ряда лет обречены на жизнь в кошмарных условиях отстранения от работы, изоляции от общества, слежки, угроз во время допросов в КГБ и опасности оказаться осужденным на длительное тюремное заключение по сфабрикованному делу. Эти так называемые "отказанты" и условия их существования созданы властями специально для устрашения всех интеллектуалов, для удержания их в порабощенном состоянии и безмолвной покорности.

Возникает вопрос: как могут помочь нам ученые США в борьбе с этим вопиющим произволом, фактически превращающим мозги ученых в государственное имущество? Мне представляется, что один из эффективных способов помочь нам — это *передать гласности имена лиц и названия организаций, попирающих человеческие права ученых и преследующих их по национальному признаку, и объявить им бойкот*. Не пора ли отказаться в гостеприимстве в США тем "ученым", которые участвуют в гонениях на своих коллег? Не пора ли прекратить все виды сотрудничества с теми учреждениями, сотрудники которых удерживаются под предлогом секретности? Ведь это означает, что эти организации официально объявлены участниками секретных разработок. Неужели не ясно, что чисто платонические осуждения нарушения свободы личности уже недостаточны?

Непрекращающимся нарушением прав ученых необходимо противопоставить активное противодействие. Нельзя допускать, чтобы права ученых ограничивались больше, чем права других граждан. Пусть каждый, кто участвует в этом гнусном беззаконии, задумается над моральными последствиями, которые его ожидают.

Москва, 20 февраля 1976 года

АМЕРИКАНСКАЯ АКАДЕМИЯ О ПРАВАХ УЧЕНЫХ

27 апреля на 113-м годовом собрании национальной Академии наук США была принята декларация об утверждении свободы исследования и выражения. В декларации отмечается, что поиск знаний должен проводиться в условиях интеллектуальной свободы, без религиозных, политических и идеологических препятствий, что все идеи могут быть оспариваемы беспрепятственно; отмечается, что "свобода исследования и выражения идей требует того, чтобы те, кто этим занимается, были свободны искать там, куда ведет их исследование, имели свободу путешествовать и публиковать свои выводы без политической цензуры и без страха преследования..."; отмечается, что для свободы исследования и выражения требуется как необходимое условие личная свобода тех, кто исследует и оспаривает, ищет и открывает.

При обсуждении декларации об утверждении свободы исследования и выражения Президент Академии Филип Хендлер отметил, что Академия неоднократно получала просьбы о воздействии на советских деятелей в связи с положением ученых, потерявших работу в Советском Союзе. Он сказал также, что ранее академик Сахаров просил заступаться за различных его коллег, Левич просил вступить за Сахарова, и совсем недавно Левич обратил их внимание на свое собственное удручающее положение. Филип Хендлер отметил, что Академии известно также о насилиях над учеными и другими интеллектуалами в странах Южной Америки, и обратил внимание на отсутствие общественной реакции на репрессии в Индии. Президент Академии сказал: "Нас приветствовали за нашу защиту Сахарова, которая казалась удачной, и нас критиковали за то, что мы ничего не делали для многих других, и за то, что мы не делали гласно того, что мы все же делали." По мнению Президента, Академия должна решить, является ли ее ответственностью

гласно говорить о нарушениях свобод, должна решить, являются ли научные контакты главным вопросом в дискуссиях с официальными деятелями государств, в которых допускаются репрессии против ученых.

Как можно понять, национальная Академия наук высказалась за применение гласных методов в защите прав ученых. В дискуссии было высказано соображение, что следует либо предпочитать методы "тихой дипломатии", воздерживаясь от гласных протестов, либо прервать научные связи с государствами, в которых допускаются репрессии против ученых. Оспаривая эту точку зрения, член Академии математик Липман Берс заявил, что тихая дипломатия может быть полезна лишь тогда, когда есть достаточно сильное общественное давление или угроза такого давления; относительно возможности бойкота Берс заявил, что он не представляет себе ситуации, в которой он порвал бы научные отношения со страной, "с которой мы находимся в мире".

ЖЕНЕВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ЗЛУОППОТРЕБЛЕНИЯХ ПСИХИАТРИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

По инициативе "Амнести Интернешнл" в апреле 1975 года в Женеве состоялся Симпозиум на тему "Медицинская этика и и злоупотребление психиатрией в политических целях". В этом Симпозиуме приняло участие шестьдесят человек, в том числе многочисленные психиатры и юристы из различных стран. На основании имеющихся многочисленных показаний было установлено, что помещение и лечение в течение многих лет в психиатрических больницах СССР инакомыслящих является неоспоримым фактом.

Целью психиатрии является лечение человека, болезнь которого изменяет или подавляет его волю. Как бы ни были различны, в зависимости от страны, критерии диагноза психических заболеваний, применение таких средств, как помещение в психиатрическую больницу и насильственное применение лекарств, является нарушением прав человека. В частности, применение подобных методов в качестве репрессии против религиозных и политических инакомыслящих может быть отожествлено лишь с преступлением.

Ссылаясь на принципиальные заявления, сделанные до настоящего времени различными профессиональными организациями в мире, участники Симпозиума хотят содействовать проведению их в жизнь. В соответствии с этим они обращаются с просьбой к ассоциациям и конгрессам врачей: не колеблясь и недвусмысленно осудить действия злоупотребления психиатрией, где бы они ни происходили, несмотря на угрозу выхода стран-членов, и бойкотировать врачей, участвующих в этих действиях, и организации, отказывающиеся от проведения необходимых исследований.

Они, кроме того, принимают решение содействовать путем образования учредительного комитета созданию постоянного

международного органа, цель которого будет заключаться в разоблачении и предотвращении этих злоупотреблений.

Они обращаются с просьбой ко всем обществам врачей и психиатров занять принципиальную позицию в данном вопросе и дать согласие на создание вышеуказанного органа, политически нейтрального и состоящего из врачей и юристов, а также из лиц, компетентных в области прав человека.

Отметив полную неспособность до настоящего времени, и в основном на Конгрессе в Мехико, Всемирной ассоциации психиатров и Всемирной федерации по охране психического здоровья принять какие-либо необходимые меры, участники Симпозиума решили сами выступить инициаторами в создании постоянного международного органа, способного проводить беспристрастные расследования, осуждать незаконные и этически неприемлемые методы и защищать коллег, соблюдающих профессиональную честность, несмотря на полицейский нажим.

Женева, 19 апреля 1975 г.

* * *

Инициативный комитет Симпозиума обратился к психиатрам разных стран с призывом подписать эту декларацию.

По предварительным сведениям, эту декларацию подписали уже 56 психиатров.

Состав Инициативного комитета:

Др. Гарольд Борн, ФРКП, ФАНЗКП, психиатр, Лондон; др. Шарль Дюран, психиатр, профессор Женевского университета; Жанна Герш, философ, профессор Женевского университета; Шарль—Андрэ Жюно, адвокат, профессор Женевского университета; др. Ласло Люка, психиатр и психотерапевт, Женева; др. Хуго Сольмс, женевский психиатр, профессор Фрайбургского университета.

Адрес: Comite d'Initiative

BP 296

Geneva 12

Switzerland

ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ ЕХБ К ГОСУДАРСТВУ

Редакция располагает копией брошюры, озаглавленной "Устав Союза церквей евангельских христиан-баптистов", издание Совета церквей ЕХБ, 1974 г. (21 стр.).

Во втором параграфе этого устава поясняется, что он представляет из себя "свод правил, необходимых для ведения тех сторон деятельности, которые соприкасаются с гражданскими и правовыми нормами жизни", при этом отмечено, что "единственным уставом для духовной деятельности Союза церквей ЕХБ является Слово Божие (Библия)".

Согласно уставу (§ 3):

"В силу принципа отделения Церкви от государства, Союз церквей ЕХБ, органы его управления, отделы и составляющие его церкви в своей духовной и внутрицерковной деятельности являются совершенно свободными, не зависимыми от государства объединениями верующих граждан-единомышленников".

Отношению Церкви ЕХБ к государству посвящен раздел 9:

9. Отношение к государству

"Царство Мое не от мира сего" Ев. Иоанн. 18, 36.

"Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" Мтф. 22, 21.

§ 32. Поместная церковь ЕХБ является совершенно свободным, независимым от государства объединением верующих граждан-единомышленников.

§ 33. Избрание и отстранение служителей, прием в члены и отлучение, совершение духовных треб, общие и членские собрания совершаются церковью с соблюдением принципа отделения церкви от государства.

Регистрация церкви ЕХБ в органах власти не должна слу-

жить поводом для нарушения принципа независимости церкви от государства.

В разделе об обязанностях члена Церкви говорится, что "руководствуясь Словом Божиим член Церкви призван:

... — оказывать повиновение гражданским законам по учению Иисуса Христа: "Отдавайте кесарево кесарю, а Божие — Богу" (Марк, 12, 17), и молиться за правительство, чтобы оно по воле Божией так употребляло вверенную ему власть, чтобы сохранить мир и правосудие (Рим., 13, 5 и 7; Тит., 3, 1; Деян., 5, 20; 1 Тим., 2, 1-4.)."

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

♦ Биолог Валерий Маресин приговорен в Вильнюсе к шести месяцам исправительных работ за отказ от дачи свидетельских показаний на суде над Ковалевым.

♦ Сообщают, что священник Дмитрий Дудко получил приход в 35 километрах от Москвы в селе Гребнево (см. "Хроника" №№ 32, 35, 38).

♦ Известный публицист Андрей Амальрик сообщил иностранным корреспондентам, что он был вынужден подать заявление на выезд в Израиль вместе со своей женой. Ранее сообщалось, что советские власти препятствуют выезду Амальрика в Соединенные Штаты и в Голландию по приглашениям университетов. В июне он с женой получил разрешение на выезд.

♦ Известная участница советского правозащитного движения Татьяна Ходорович заявила иностранным корреспондентам, что она подверглась шантажу со стороны официальных советских деятелей в связи со своим отказом участвовать в выборах народных судий. Согласно сообщениям, упомянутые деятели угрожали, что в случае ее отказа участвовать в выборах ее дочери не будет предоставлена ожидаемая жилплощадь.

Ходорович заявила о своем отказе от участия в выборах в связи с тем, что, по ее убеждению, советские судьи руководствуются более требованиями партийной идеологии, нежели законом.

♦ Есть сообщение, что Юрий Вудка переведен из Владимирской тюрьмы в Пермский лагерь № 36.

♦ Русский публицист Владимир Осипов, осужденный в сентяб-

ре 1975 г. к 8 годам лишения свободы, доставлен в Мордовский лагерь № 19/2.

♦ "Комсомольская правда" (14 апреля 1976 г.) опубликовала письмо школьницы Надежды М. из Пермской области, в котором сообщается о том, как она подверглась комсомольской критике за то, что носила крестик. Дело, однако, не ограничилось критикой. В письме говорится: "У нас было заседание комитета, который вынес решение изъять у меня крестик". Насколько известно, опубликованные законодательные акты в СССР не предусматривают права общественных организаций производить административную конфискацию имущества граждан.

♦ В литовском журнале "Коммунист" на русском языке (апрель 1976) опубликовано интервью с членом Верховного суда Литовской ССР М. Игнотасом, который был председателем Судебной коллегии, осудившей Ковалева. Насколько можно понять, в Советском Союзе, в отличие от многих цивилизованных стран, не считается безнравственным, когда судья выступает в прессе с нападками на осужденного им подсудимого.

♦ На заседаниях Палаты представителей американского конгресса проводятся теперь регулярные доклады о советских гражданах, встретивших препятствия в выезде за границу и в воссоединении семей.

♦ Сенатор-демократ Генри Джексон, выступая в сенате США, заявил о необходимости разъяснить советским руководителям, что подлинная разрядка требует безоговорочного соблюдения элементарных прав человека. В другом недавнем выступлении сенатор Джексон заявил, что американское правительство не выполняет своих международных обязательств в отношении прав человека; сенатор полагает, что Соединенные Штаты не должны допускать такой ситуации, когда Советский Союз считает проблему прав человека исключительно своим внутренним делом. Джексон обвинил Советский Союз в нарушении положений Заключительного акта Хельсинского совещания.

♦ Согласно последним данным, уже 1 400 сотрудников Объединенных Наций подписали обращение в защиту бывшего сотрудника аппарата ООН, ныне советского политзаключенного Владимира Балахонова.

♦ Все более заметными становятся творческие связи советского правозащитного движения с международной деятельностью в защиту прав человека.

23 марта председатель советской группы "Международной амнистии" д-р Валентин Турчин направил президенту республики Уругвай петицию с призывом к правительству Уругвая разрешить независимому международному органу расследовать обвинение в применении пыток в Уругвае. Эту петицию подписали: В. Турчин, А. Корчак, В. Альбрехт, Л. Богораз, А. Сахаров, Л. Алексеева, В. Борисов, А. Петров-Агатов, С. Генкин, Д. Рамм, П. Абрамович, В. Слепак, В. Брайловский, А. Гвинтер, Е. Якир, М. Пеккер, В. Войнович, Н. Руденко, Ю. Гастев, И. Валитова, Ю. Орлов, А. Амальрик, А. Гинзбург, П. Григоренко, Е. Боннэр, Н. Вильямс, Ю. Гольфанд, П. Старчик, Ф. Дектор, И. Пятецкий-Шапиро, Э. Хейман, А. Лунц, Ф. Кандель, В. Престин, И. Шостаковский, Н. Белоозеров, В. Корнилов, В. Рубин, А. Лавут, С. Желудков, священник.

♦ Известный русский поэт Иосиф Бродский выступил в защиту литовского поэта Томаса Венцлова ("Нью Йорк Бук Ревью", 1 апреля 1976 г.). Бродский сообщает, что 11 мая 1975 г. Венцлова обратился в ЦК Литовской компартии с просьбой о разрешении покинуть страну. С тех пор о нем не поступает информации, однако есть основания опасаться за его будущее.

♦ 5 мая Королевский колледж психиатров в Англии принял резолюцию, которой уполномочивает Совет этого колледжа предпринять шаги для того, чтобы обеспечить на следующем Мировом конгрессе психиатрической ассоциации принятие резолюции, подобной следующей:

"Мировая психиатрическая ассоциация, отмечая многочисленные свидетельства о систематических злоупотреблениях психиатрией в политических целях в СССР, присоединяется к

осуждению такой практики, которое уже было заявлено Королевским колледжем психиатров и другими организациями”.

Насколько известно, это первый случай, когда национальная психиатрическая ассоциация высказалась за обсуждение этой проблемы на Мировом конгрессе психиатров. Ранее были попытки добиться обсуждения проблемы злоупотреблений психиатрией на 5-м Международном конгрессе психиатров в 1971 году; в частности, с таким призывом к 5-му Международному конгрессу обратились Инициативная группа по защите прав человека в СССР и московский Комитет прав человека. Однако до сих пор на Мировом конгрессе психиатрической ассоциации не было обсуждения этой темы.

♦ Члены западногерманского общества прав человека в течение пяти дней демонстрировали перед посольствами Советского Союза, Чили, Малазии, Югославии, Румынии и Болгарии в Бонне и перед представительством ГДР в Бонне, выступая в защиту, в частности, советских политзаключенных Владимира Буковского, Семена Глузмана, Бориса Евдокимова, Сергея Ковалева, Владимира Осипова, Габриэля Суперфина и Андрея Твердохлебова. Сотрудники советского посольства отказались принять петицию демонстрантов.

♦ Четверо известных норвежских юристов, профессора Аннелес, Братхольм, Кастберг и Упсал обратились к Генеральному прокурору РСФСР с требованием пересмотра дела Сергея Ковалева в связи с тем, что в ходе судебного разбирательства не было получено достаточных доказательств обвинения.

♦ В защиту украинского врача Михаила Штерна, приговоренного к 8 годам лишения свободы по обвинению во взяточничестве, выступило пятьдесят лауреатов Нобелевской премии. В их числе — Жан-Поль Сартр, Генрих Белль, Самюэль Беккет, Альфред Кастлер и другие.

На Западе весьма активны выступления в защиту Михаила Штерна. Западные комментаторы полагают, что действительная причина осуждения Михаила Штерна связана с тем, что он, вопре-

ки давлению советских властей, дал своим сыновьям формальное разрешение на эмиграцию в Израиль.

♦ Известный советский синолог Виталий Рубин после многолетних ходатайств и протестов западных ученых получил наконец разрешение покинуть Советский Союз. Западные комментаторы обращают внимание на то, что это разрешение было дано вскоре после того, как Рубин вошел в состав "Группы содействия соблюдению в СССР положений Заключительного акта Хельсинского совещания". Разрешение на выезд получил также другой член этой группы — М. Бернштам.

♦ Советский историк Некрич получил разрешение покинуть Советский Союз. Некрич широко известен как автор книги "1941, 22 июня". Изложенная в этой книге трактовка предвоенных событий в свое время вызвала резкую реакцию консервативно настроенных официальных советских кругов.

♦ Есть сведения, что Надежда Светличная освободилась из лагеря по концу срока.

♦ Иосиф Мешенер, бывший советский политзаключенный, освободившийся в феврале этого года, прибыл в Израиль.

♦ Скончался полковник Ефим Давидович. Он известен как активный защитник права евреев на эмиграцию; сам он безуспешно в течение нескольких лет добивался возможности покинуть Советский Союз.

♦ Советский писатель Анатолий Гладилин покинул СССР.

♦ 122 члена австралийского парламента подписали адресованную Брежневу петицию, в которой они выражают озабоченность осуждением Сергея Ковалева. Австралийские парламентарии призвали советское руководство обеспечить открытое и честное проведение предстоявшего суда над Твердохлебовым; они ходатайствовали также о том, чтобы наблюдатель от "Международной

амнистии" смог присутствовать на суде над Твердохлебовым. В петиции содержится также призыв прекратить преследования председателя советской группы "Международной амнистии" д-ра Турчина и временного секретаря группы Владимира Альбрехта.

♦ Евгений Барабанов избран почетным членом французского отделения Пен-клуба.

ДЕЛО МЕЛЬЧУКА*

Вместо протокола заседания Ученого Совета
Института языкознания АН СССР 25 марта 1976 г.*

Предыстория. Очередная переаттестация И.А. Мельчука на должность старшего научного сотрудника перекладывалась с одного заседания Ученого Совета на другое по крайней мере пять раз — в ожидании указаний сверху, а их не было, пока окончательно не отошел XXV съезд.

Повестка дня заседания Ученого Совета, в которой вторым пунктом значился отчет кандидата филологических наук И.А. Мельчука, а третьим — переизбрание его на должность, включала сначала как первый пункт доклад директора Института В.Н. Ярцевой на общеинститутскую тему, на котором едва ли не всем сотрудникам вменялось в обязанность присутствовать. За неделю до заседания место этого доклада в повестке дня заняло выступление Н.З. Гаджиевой по узкоспециальному вопросу, тем самым обязательное присутствие на заседании большинства сотрудников было упразднено. 18 марта состоялось расширенное заседание дирекции, на которое был приглашен И.А. Мельчук. Там присутствовали В.Н. Ярцева, Ю.С. Елисеев, А.М. Шахнарович, Н.З. Гаджиева, М.А. Кумахов и др. (об этом заседании еще расскажет в своем выступлении В.Н. Ярцева).

Заседание Ученого Совета началось с того, что присутствующим не членам Ученого Совета предложили покинуть зал. После

* См. "Хронику защиты" 19. Недавно в защиту д-ра Мельчука выступили известные лингвисты Наум Чомский и Арнольд Эверс ("Нью Йорк Таймс", 10 апр.) — *ред.*

** Протокола не велось. Выступления переданы по памяти, текст не сверялся ни с одним из выступавших, включая И.А. Мельчука. (*примечание авторов документа*).

десятиминутного совещания при закрытых дверях на доклад Н.З. Гаджиевой были допущены все желающие. После доклада был объявлен перерыв; в зале попросили остаться членов Ученого Совета. Присутствовавший в зале Ю.Д. Апресян остался на своем месте; тогда его персонально попросили покинуть зал.

После перерыва в зал впускали только сотрудников института (обычно заседания Ученого Совета — открытые), чтобы не пустить пришедших с И.А. Мельчуком.

И.А. Мельчук: Мои товарищи хотят присутствовать на переаттестации. Они за дверьми, их не пускают. Прошу Ученый Совет разрешить моим друзьям войти в зал...

В.Н. Ярцева: Нет, когда мы будем слушать ваш научный доклад, смогут присутствовать все*, а переаттестация — внутринститутское дело.

И.А. Мельчук: Разве заседание Ученого Совета может быть закрытым?!

В.Н. Ярцева: А наше заседание не закрытое, ведь здесь не только члены Ученого Совета (оглядывает зал, где кроме 24 членов Ученого Совета — не более 15 человек).

И.А. Мельчук выступает с научным отчетом: подготовлены к печати монографии, некоторые из них уже изданы, напечатаны статьи — более пятидесяти. Многие из написанных им работ переведены на иностранные языки. Общий объем опубликованных И.А. Мельчуком работ за все время научной деятельности составил примерно 150 авторских листов. Прочитаны также курсы лекций в высших учебных заведениях. Подготовлены и прочитаны доклады на многих научных конференциях, проводившихся в СССР. Трудности: монография уже семь лет лежит в издательстве; дирекция даже не извещает Мельчука о многочисленных персональных приглашениях на международные конгрессы; дирекция не разрешила Мельчуку выехать в Киев и Львов для чтения лекций. Упомянутую монографию уже давно предлагает напечатать одно зарубежное издательство, но дирекция института не дает согласия, заявляя, во-первых, что

* В.Н. Ярцевой было хорошо известно, что после этого заседания И.А. Мельчук никогда не будет читать в Институте никаких научных докладов.

вопрос престижа, где эта монография будет раньше опубликована: у нас или на Западе, и, во-вторых, что монография автору оплачена как плановая работа.

Ю.С. Елисеев: Я хочу дать справку по поводу монографии И.А. Мельчука. Подолгу лежат в издательствах многие рукописи — не только Игоря Александровича.

Голоса из зала поддерживают: И моя рукопись лежит... И моя...

Ю.С. Елисеев (обращаясь к Э.Г. Шахламовой): С какого года лежит ваша рукопись в издательстве?

Э.Г. Шахламова (гордо): С шестидесятого!

Ю.С. Елисеев: Вот, Игорь Николаевич, а вы просите *особого* к себе отношения.

И.А. Мельчук: Может быть, я недостаточно ясно выразился. Я не прошу *особого* к себе отношения — просто нельзя, чтобы рукописи столько лет лежали в издательствах. Материал быстро устаревает. Так, уже много раз я перекрывал свои результаты семилетней давности и теперь не хотел бы публиковать монографию в первоначальном ее виде. Но если мне скажут, что она будет опубликована, я сяду и все перепишу наново.

В.С. Расторгуева: А что вы делали по институтскому плану, по вашей плановой теме? Ведь многие из упомянутых вами работ, по-видимому, гонорарные?

И.А. Мельчук: Моя плановая тема — разработка машинного перевода: русский язык — английский язык. Одна из моих монографий посвящена описанию поверхностного синтаксиса английского языка, а многие статьи посвящены формальному описанию русского языка. А гонорарных издательств по нашей специальности нет, разве что ВИНТИ.

В.С. Расторгуева: Так у вас есть монография по плановой теме?

И.А. Мельчук: Я знаю, что в других секторах плановая тема формулируется как название монографии. Названия моих работ текстуально не совпадают с формулировкой плановой темы. Но все, что я делал, связано с формальным описанием языка и имеет непосредственное отношение к практике машинного перевода. Фрагменты моей модели "смысл-текст" уже внедряются в практику машинного перевода за рубежом.

К.Е. Майтинская: Я, конечно, не специалист по машинному переводу, но вам были отпущены деньги, средства, машины. Мы так надеялись на машинный перевод, а до сих пор — ничего нет.

И.А. Мельчук: Никаких денег нам отпущено не было. Вы, очевидно, сомневаетесь в моей профессиональной компетентности... (зачитывает отрывки из письма президента Международной ассоциации по машинному переводу, в котором содержится приглашение Игорю Александровичу на год для совместной работы по введению теории И.А. в практику машинного перевода). Наверное, президент Международной ассоциации по машинному переводу лучше может оценить мои заслуги в этой области, чем Вы, Клара Евгеньевна.

М.М. Глухман: А как вы участвуете в общественной жизни института?

И.А. Мельчук: Я был ученым секретарем сектора, организатором спортивной работы. Читал лекции и выступал с докладами всюду, куда бы меня ни приглашали. Консультировал всех, кому это было нужно... Пока ко мне обращались. С какого-то момента ко мне перестали обращаться, а я не могу навязываться.

М.М. Глухман: Посещаете ли вы наш методологический семинар?

Голос из зала: Посещаете ли вы лекции, которые у нас проводятся о международном положении?

И.А. Мельчук: Нет, лекций не посещаю. Честно говоря, тематика лекций и методологических семинаров мне не очень интересна, кроме того, считаю, что это дело добровольное. И, наконец, я очень занят.

Голос из зала: Во всем институте только вы не охвачены сетью политучебы, не кажется ли вам это странным?

И.А. Мельчук: Неужели я один? Тогда это действительно кажется странным; кажется странным, что только мне это не интересно.

В.Н. Ярцева: Я информировала Ученый Совет о письме И.А. Мельчука в "Нью Йорк Таймс", в котором И.А. Мельчук выступает в поддержку академика А.Д. Сахарова. На заседании дирек-

ции, которое состоялось неделю назад, мы напомнили Игорю Александровичу его прошлые выступления: в поддержку Даниэля и Синявского в 1965 г., против "вторжения" в Чехословакию в 1968 — И.А. раскисался в этих поступках еще пять лет назад. Теперь же на заседании дирекции И.А. Мельчук назвал свое раскаяние малодушным и сказал, что за эти пять лет он окреп духом.

С этого момента во всех выступлениях (понятно, кроме выступлений самого И.А. Мельчука) звучал один мотив — несовместимости высокого звания советского ученого с идеологическими диверсиями, направленными против. Говорилось, в частности, о воде на мельницу империализма, о поджигателях третьей мировой войны и т. д. В.Н. Ярцева, В.С. Расторгуева, М.М. Гухман, К.Е. Майтинская, М.А. Кумахов, Н.С. Чемоданов и Ю.Д. Дешериев говорили, что в таком идеологическом институте, как институт языкознания, нельзя больше терпеть пребывание И.А. Мельчука, оторвавшегося к тому же от коллектива.

Остановимся только на том, что отличало отдельные выступления друг от друга.

Р.Г. Котов, заведующий сектором структурной и прикладной лингвистики, где работал И.А. Мельчук, говорил о научной несостоятельности Мельчука.

Котов: Авторитет И.А. Мельчука остался только в академических кругах, а люди, непосредственно занимающиеся машинным переводом в промышленности, к Мельчуку уже не обращаются, потому что Мельчук оторвался от практики и ушел в теорию. Его теперешние работы можно квалифицировать не как работы в области прикладной лингвистики, а как работы по общему языкознанию.

М.А. Кумахов подчеркнул, что Мельчук избрал для публичного выступления не прогрессивную коммунистическую печать (в числе прогрессивных газет назывались газеты коммунистических партий Италии, Франции, Великобритании), а реакционную буржуазную.

Голос из зала: Здесь предъявляются очень серьезные обвинения. Нельзя ли огласить текст письма?

И.А. Мельчук: Я считаю, что вопрос переаттестации меня

как старшего научного сотрудника не должен связываться с содержанием письма в "Нью Йорк Таймс". Текст письма при мне, поэтому после голосования каждый, кто пожелает ознакомиться с ним, сможет это сделать.

Голоса из зала: Как это не связано, все связано.

Ю.С. Елисеев: Я могу изложить содержание письма. Мельчук утверждает в нем, что в Советском Союзе якобы преследуют инакомыслящих, сажают их в тюрьмы.

И.А. Мельчук: В письме было не так.

В.Н. Ярцева: Не перебивайте, Игорь Александрович, скажете в ответном слове.

Ю.С. Елисеев (продолжает изложение): ...в тюрьмы, в психиатрические больницы.

Ю.С. Елисеев перелагает основные, по его мнению, тезисы письма.

В.Н. Ярцева: Кто еще хочет выступить?

Молчание.

И.А. Мельчук: Маленький психологический эксперимент. Ведь никто не хочет больше выступить? Значит ли это, что все присутствующие согласны с говорившимся обо мне? И обо мне больше сказать нечего?

Ю.Д. Дешериев, заведующий сектором социолингвистики: Пусть выступят те, кто присутствовал на заседании дирекции. (Обращаясь к Н.З. Гаджиевой) Ну выступите, расскажите...

Н.З. Гаджиева: Заседание дирекции произвело на меня тяжелое впечатление. Ожидая увидеть человека, расканивающегося в своих поступках, я увидела, к сожалению, человека убежденного, упорствующего в своих взглядах.

Далее Н.З. цитировала по памяти статью советской Конституции, говорящую, якобы, о недопустимости антисоветской пропаганды, и заявила, что нарушение Конституции несовместимо с работой в идеологическом институте.

В.Н. Ярцева: Кто еще хочет выступить?

Голоса, понуждающие к выступлению еще не выступавших и перемежаемые персональными приглашениями выступить, постепенно затихли, обнаружив безрезультатность. Молчание.

И.А. Мельчук (смеется): Ну? Я же с вами двадцать лет работал. Неужели никто?... И здесь — мои товарищи по работе.

И.А. Мельчук направляется к трибуне для ответного слова.

Голоса из зала (особенно старается Г.В. Колшанский) :
Хватит!... Зачем еще ответное слово? Не диссертацию защищает..
Уже выступил с отчетом.

В.Н. Ярцева лишает И.А. Мельчука ответного слова.

Оглашены результаты тайного голосования:

за избрание на должность — 2,

испорченные бюллетени — 3,

против избрания на должность — 19.

PERSONALIA

В. Некрасов

Судьба Семена Глузмана

Из Москвы дошли мрачные сведения — Семену Глузману собираются увеличить срок.

Не всякому на Западе известно, кто такой Глузман. Тем более непонятно, что значит увеличить срок. Я объясню. Я хочу привлечь внимание всех без разбора, правых или левых, к судьбе этого человека. И судьба, и сам человек заслуживают того, чтобы о нем все знали.

Я его знаю очень хорошо. Он мой друг. Но не только потому я заступаюсь за него. Я делаю это потому, что для нас, русских, этот молодой, такой мягкий и деликатный в жизни человек стал образцом мужества и стойкости. И за это его ненавидят власти. Они любят покорных, не задумывающихся, исполнительных, оболваненных.

Четыре года тому назад Семена, или как мы все, друзья его, называем, Славика, судили. Это было в декабре 1972 года. Присудили к семи годам лагерей усиленного режима и к трем годам ссылки.

За что?

В приговоре, который с трудом расслышали родители Славика (на руки его не дали, на суд никого не пустили, в том числе и меня, а родителям разрешили присутствовать только при чтении приговора), сказано было, что обвиняется он в чтении и распространение недозволенных изданий — Солженицына, речи Генриха Белля (не помню уже, какой) и пародии одного советского писателя на другого, властями почитаемого. И все! И за это семь лет и три года ссылки.

Есть основание предполагать, что главная причина озлобления против Глузмана не какие-то там пародии, а написанная им заочная экспертиза (сам он по профессии врач-психиатр) на материале "истории болезни" известного борца за права чело-

века генерала Петра Григоренко, томившегося тогда в психиатрической больнице все за то же — непокорность. Экспертиза эта получила широкий резонанс, особенно за границей. В приговоре о ней ни слова, доказать авторство судебным властям не удалось.

Есть и еще одна причина, совсем уже подспудная. Семен Глузман был другом Леонида Плюща, был и моим другом, почти членом семьи. А так как именно с этого, 72-го, года я стал властям особенно неугоден, они, не трогая еще меня, стали расправляться с моими друзьями. Пытались создать вакуум, чтобы и мне было плохо, и друзьям страшно. Начали с Глузмана.

Потом лишили работы и исключили из партии другого моего друга, кинорежиссера — он отважился зайти ко мне во время производившегося у меня обыска. Третий, тоже зашедший совершенно случайно молодой учитель, поплатился за это двумя годами тюрьмы (у него в портфеле, видите ли, лежала недозволенная книга...).

Вот так это и делается.

Судил Глузмана судья Дышель. В Киеве это известная фигура. Специалист по инакомыслящим. На его счету не одна жертва. Не скрою, во времена процесса мы надеялись найти к нему пути. Через знакомых. Выяснилось, что он, Дышель, очень, мол, симпатизирует своему подсудимому (какой молодой, честный, правдивый!...) и перед вынесением приговора ночь не спал... Но ночь прошла, и совесть этого впечатлительного судьи (уточним: в виде телефонного звонка из КГБ — у нас это так делается) подсказала ему тот самый суровый приговор.

Прошло четыре года. Дышель по-прежнему судит в Киеве, а Глузман уже полсрока отсидел в лагере. Только полсрока, но хотят уже добавить...

Почему?

А потому, что скромный и деликатный на вид С. Глузман стал любимцем лагеря, стал одним из первых борцов за права заключенных. Он объявляет голодовки. Он пытается добиться, чтоб лагерные власти выполняли ими же придуманные правила, которые они не выполняют, борется против издевательств, побоев... А власти этого ох как не любят...

И не только голоданием борется Глузман с произволом. Он умудрился, вместе со своим другом Владимиром Буковским, из-за колючей проволоки, не боясь карцера и прочих наказаний, передать свободному миру весьма интересный документ. Называется он "Инструкция для людей, попадающих в психбольницы".

В ней рассказывается и объясняется, как надо себя вести здоровому человеку, попадающему в руки психиатров, которые умеют превратить здорового человека в полуживотное. Это тоже не понравилось властям... И вот сейчас они готовят новое наказание.

Я кончаю. Когда Глузмана посадили, ему было 25 лет. Он почти не знал жизни. Успел только окончить медицинский институт и никак не мог по-настоящему устроиться на работу. Наконец устроился. На "Скорой помощи": Оттуда его через несколько дней и взяли.

Сейчас он познает жизнь в лагере. Когда отсидит и вернется из ссылки, ему будет 35. А если прибавят? А прибавить у нас могут сколько угодно. Я знаю людей, которые таким вот образом просидели и 20, и 30, и даже 40 лет...

Когда мировая общественность возвышает свой голос в защиту кого-либо, к ней прислушиваются. Она уже освободила Плюща. Пусть же она заступится и за Семена Глузмана, которым по праву мы все, и не только русские, можем гордиться.

Впервые опубликовано: "Русская мысль", 17 июня 1976 г.

Владлен Павленков

Владлен Константинович Павленков был арестован 3 октября 1969 г., обвинялся по ст. 70 ч. 1 и ст. 72 УК РСФСР. Был на судебно-психиатрической экспертизе, признан вменяемым. Павленков был объявлен руководителем антисоветской организации. Ранее были арестованы Михаил Капранов, Владимир Жильцов и Сергей Пономарев, друзья Павленкова, которые распространяли в Горьком листовки в начале 1968 г. Все они обвинялись в распространении самиздата, а Павленков еще и в написании "антимарксистской, антисоветской работы" по экономике по материалам советской прессы. Эту работу никто из следователей не видел, Владлен сам написал в тюрьме основные тезисы. По поводу этой работы суд вынес определение: "Все цифровые данные правильные, взяты из официальных советских источников, но выводы неверны".

Суд проходил в Горьковском областном суде в марте 1970 г. Приговор: Павленков и Капранов — 7 лет строгого режима, Пономарев — 5 лет строгого режима, Жильцов — 4 года строгого режима. Ни один из подсудимых себя виновным не признал*.

Владлен Павленков содержался на 17-м лагпункте в Мордовии, потом — на 35-м Пермском. Неоднократно подписывал письма протеста. В ноябре 1972 г. он вместе с Геннадием Гавриловым направил Генеральному Прокурору СССР заявление в связи со смертью Галанскова (см. "Хронику защиты" 4), где они писали:

* Пономарев и Жильцов освободились по концу срока, срок Капранова кончается в августе этого года.

”Мы требуем:

1. Специального разбирательства обстоятельств, приведших к смерти политзаключенного ИТК 385/17 Ю.Т. Галанскова.

2. Расследования причин и наказания виновных того, что заявление семи политзаключенных ИТК 385/17, своевременно предупреждавших о возможном смертельном исходе болезни Ю.Т. Галанскова в сложившихся лагерных условиях, было оставлено без внимания...

3. Изменения самих условий содержания заключенных в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР, приведения их в соответствие с законодательно утвержденными гуманитарными основаниями”.

Павленков ведет себя в заключении очень достойно. Он отказался от прошения о помиловании, участвовал во многих голодовках. В начале декабря 1974 г. его отправили во Владимирскую тюрьму до конца срока(вероятно, за участие в массовой голодовке 12 мая — 12 июня 1974 г. на 35 лагпункте, после которой Павленков был заключен в ПКТ на 3 месяца: он участвовал в голодовке с первого до последнего дня и был признан ”особо активным”). Во Владимирской тюрьме Павленков участвовал в голодовке протеста против избиений и угроз избиениями заключенных сотрудниками администрации тюрьмы (июль 1975 г.), поддержал заявление с требованием предоставления статуса политзаключенного. Срок заключения Павленкова кончается 3 октября 1976 г.

Владлен Павленков родился 4 мая 1929 г. в г. Горьком в семье учителей. Окончил историко-филологический факультет Горьковского университета. Работал преподавателем истории в школе для советских военных в ГДР, директором сменной средней школы рабочей молодежи в г. Горьком, преподавателем истории в авиационном техникуме, учителем истории в средней школе г. Горького.

Владлен стал проявлять открыто инакомыслие после процесса над Даниэлем и Синявским. Уже тогда у него появился интерес к критической и самиздатской литературе. Будучи историком, он старался на новой основе осмыслить многие исторические факты, пытался понять причины трудностей советской экономики. Жизнь в Горьком лишала его возможности иметь

доступ к западной экономической литературе, поэтому он самостоятельно прошел путь от "Капитала" Маркса до написания антимарксистской работы. Вся библиография его работы — официальные советские источники, поэтому зачастую он говорит о вещах давно сказанных. Тем не менее, для него эта работа — выход на новую ступень мышления. Думаем, что за последние семь лет он сделал большой прогресс в своих экономических изысканиях.

Павленков — человек сильной воли, чистый и честный. Это подтверждается его поведением на следствии и суде. Он отказался от дачи показаний на следствии, отказался от защитника на суде (т. к. все предлагаемые ему защитники требовали от него хотя бы частичного изменения его поведения). Это же подтверждают и семь лет в лагере и тюрьме. Он не сломился, не замкнулся. Все его письма из заключения полны размышлений на литературные, философские и гражданские темы. Будучи вне семьи, он старался быть в курсе всех ее дел, стремился участвовать в воспитании сына. В его письмах никогда нет и тени раскаяния или отчаяния. Он всегда тверд, всегда знает, как ему поступить в той или иной ситуации.

Очевидцы рассказывают о его невероятном трудолюбии, чувстве долга и ответственности не только за свои собственные поступки, но и за поступки его друзей. Он никогда не выбирает себе друзей на основе общего неприятия чего-либо.

Сотрудники горьковского КГБ не раз предпринимали попытки добиться того, чтобы он пошел на компромисс. Для этой цели использовались родители, бывшие друзья, в ход было пущено все: от лести и просьб — до угроз и репрессий.

Подходит к концу срок семилетнего заключения, а по-прежнему нет ответа на вопрос, за что он был осужден. 80 листов обвинительного заключения не вносят никакой ясности. Написание антимарксистской, антисоветской работы — а где она? Ни следователи, ни судьи никогда ее не видели, не то что читали. Суждение о ней сделано по краткому конспекту. Организация и руководство антисоветской организацией — это выдумка. Распространение самиздата. Да, это было. Но он никогда не навязывал никому литературу самиздата. Ее брали и читали те, кто хотел этого.

* См. "Хронику защиты" 1, заявление Людогорму о голодовке протеста против оскорбления человеческого достоинства и антигуманного обращения в лагере, декабрь 1972 г.

Властен всегда чувствует свою причастность ко всему происходящему в России. Он живо реагирует на несправедливость или репрессии невинных, ущемления прав или очередная ложь. И даже в нечеловеческих условиях лагерей он не теряет веры в справедливость: "Я лишен сейчас элементарных человеческих прав, но уверен, что рано или поздно справедливость будет восстановлена, сам я — реабилитирован, и моя страна приобретет правопорядок и уважение к человеческой личности". *

Андрей Амальрик

ЕСТЬ ЛИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СССР?

Интервью журналу "Новое время" заместителя министра юстиции СССР г-на Сухарева заслуживает, чтобы на него ответил один из тех, кто непосредственно на себе испытал действие представляемой им юстиции.

После шести лет пребывания в тюрьме, лагере и ссылке я прочел это интервью со смешанным чувством радости и отвращения. С радостью — поскольку сама эта попытка пространного — на пяти журнальных страницах — оправдания карательной политики говорит о том, насколько чувствительно советское правительство к реакции мирового общественного мнения на нарушение прав человека в СССР, и следовательно, сколь многого могло бы общественное мнение здесь добиться. С отвращением — поскольку почти все, что утверждает г-н Сухарев, это ложь, а ложь всегда противно читать.

Г-н Сухарев утверждает, что "советский закон" с самого начала преследовал только за "конкретные действия", а не за убеждения, не за принадлежность к тем или иным социальным группам или партиям.

В действительности же с первых месяцев большевистской революции была введена система заложников — система ответственности одних за других. В июле 1918 года Троцкий предложил содержать в концлагерях в качестве заложников жен и детей офицеров, призванных в Красную Армию. В августе Ленин, призывая к "беспощадному террору", приказал: "Сомнительных (т. е. тех, кто "конкретных действий" не совершал — А.А.) запереть в концентрационный лагерь". В сентябре нарком внутренних дел Петровский телеграфировал местным советам: "Взять из буржуазии и офицерства... значительное количество заложников".

А вот человек, убивший посла Мирбаха, "чтобы вызвать войну Германии против Советской России", — г-н Сухарев ссылается на это убийство как на пример "конкретного действия", за которые якобы судили, — в действительности никаким преследованиям не подвергся, продолжал служить в ЧК и был уничтожен только в период сталинских чисток.

Так же из советских источников хорошо известно, что в 1929-31 годах сотни тысяч людей подвергались ссылке и заключению в концлагерь не за "конкретные действия", а только за то, что были так называемыми "кулаками" и "подкулачниками", т. е. зажиточными крестьянами и теми, кто хотел жить зажиточно. С ними выслались и их жены и дети.

В 1941-45 годах, чтобы подвергнуться репрессиям, тоже не нужно было совершать "конкретных действий": достаточно было быть крымским татаринком, волжским немцем, калмыком, ингушем, чеченцем. Известно, что эти и другие малые народы в полном составе подверглись депортации.

Так в основу деятельности советской юстиции — если ее можно назвать юстицией — был положен сначала классовый, а потом и расовый подход, а отнюдь не понятие "конкретного действия."

Г-н Сухарев настойчиво повторяет, что в СССР людей никогда не судили за их политические и религиозные убеждения, а только за "конкретные действия", и что он не знает закона, по которому можно было бы преследовать за убеждения. Такой закон есть — это ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) и ст. 190¹ УК (распространение сведений, порочащих советский строй), не говоря о том, что можно использовать и другие статьи кодекса или даже внесудебное помещение в психиатрическую больницу.

Работники советской юстиции придают специфический смысл слову "убеждение". Мне и другим заключенным неоднократно говорили: "Вы можете иметь любые убеждения, но не высказывать их. Мы вас судим не за убеждения, а за то, что вы их высказали". Очевидно, что за убеждение, никак не высказанное и ничем не проявленное, судить невозможно, ибо еще не изобретен аппарат, позволяющий читать чужие мысли. Но коль скоро неортодоксальная мысль — печатно, письменно или уст-

но — была высказана, она считается действием, за которое можно судить. При этом, расценивать ли высказанную мысль как "антисоветскую" или нет, зависит целиком от конъюнктурных соображений следственных органов, ибо никакого юридического определения понятия "антисоветский" нет.

Не надо считать, что "антисоветское" высказывание — это призыв к насильственному свержению советского строя. Во всех известных мне случаях речь шла или о критике отдельных сторон советской системы, или о путях ее возможной эволюции — зачастую критике с марксистско-ленинских позиций. Так же в большинстве случаев осужденных — меня в том числе — вовсе не обвиняли в связях с какими-либо "зарубежными центрами", а в тех случаях, когда это делали, — это осталось недоказанным.

Судят не только за собственные высказывания или записи, но и за чтение и хранение книг, которые следственными органами и судом могут быть признаны "антисоветскими". При этом никакого опубликованного списка книг, которые запрещено хранить и читать, нет.

Не исключено, что в политлагерях есть люди, действительно осужденные за "конкретные действия", — г-н Сухарев упоминает, в частности, лиц, осужденных за сотрудничество с немцами во время войны. Люди эти зачастую используются в лагерях коллегами г-на Сухарева для травли настоящих политзаключенных, а г-н Сухарев хочет спрятать за их жалкими фигурами тысячи людей, воевавших с фашизмом или выросших после войны — и осмелившихся иметь собственные взгляды.

Столь же ложное впечатление г-н Сухарев хочет создать и о "местах заключения". В действительности упоминаемые им "нормы питания" рассчитаны на истощение, продуктовые передачи разрешены по истечении половины срока (5 кг один раз в полгода), переписка ограничена, и многие письма конфискуются или просто крадутся администрацией, свидания раз в полгода — и тех лишают по произволу администрации, приобретение литературы ограничено, заключенному разрешено иметь не более пяти книг. Нередки случаи избиения: конвоем швырял меня из конца в конец вагона на перегоне Свердловск — Камышлов, после перенесенного в тюрьме менингита били головой об

стену в лагере на Талой, волоком тащили за волосы с третьего этажа в подвал Магаданской тюрьмы. Каждый раз я обращался с жалобой в МВД или прокуратуру — и каждый раз безрезультатно.

О тяжелом положении заключенных после "освобождения" г-н Сухарев вообще не говорит ни слова. Между тем они существенно ограничены в выборе места жительства и работы. За многими бывшими заключенными, которые приезжают в города, чтобы навестить свои семьи, милиция устраивает настоящую охоту — в частности, за мной. Три раза за три месяца меня задерживали и угрожали новым арестом.

Как, наконец, понимать слова г-на Сухарева, что за "послевоенные годы судимость сократилась в нашей стране более чем в два раза"? Понимать ли это так, что в 1975 году осуждено вдвое меньше людей, чем в 1945, или что сейчас заключенных вдвое меньше, чем было в первые послевоенные годы? Если это так, то это выглядит довольно страшно.

Ведь в конце сороковых годов у нас насчитывалось, по самым осторожным оценкам западных экспертов, около двадцати миллионов заключенных, ведь после войны на восток эшелон за эшелон везли бывших пленных, "власовцев", "бандеровцев", бытовиков, политических, колхозников по указу от 4.6.1947, огромное число уголовников и деклассированных как следствие почти тридцати лет разрухи. Неужели же теперь — после тридцати лет относительного благополучия, после массовых реабилитаций — число заключенных уменьшилось только наполовину?

Общее число заключенных у нас скрывается; по моим приблизительным подсчетам, их не менее трех миллионов — около 1,5% всего населения. Но г-н Сухарев, желая прихвастнуть "сокращением судимости", рисует более мрачную картину — что-то около десяти миллионов.

Сравнивая свои тюремные впечатления 1965 года с впечатлениями 1970-73, хочу сказать, что число заключенных за этот период скорее увеличилось, чем уменьшилось. Хотя почти во всех тюрьмах, где мне пришлось побывать (в Москве, Свердловске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Магадане), построены или строятся новые корпуса, камеры переполнены,

на 10 мест иногда приходится 30 человек, на этапах в семиместное купе набивают 15-20. В Магаданской области с населением 400 тысяч, где сейчас отбывают наказание только местные жители, при мне к двум тюрьмам и пяти лагерям добавили еще один, вдобавок женщин и несовершеннолетних отправляют в лагеря в другие области.

Положение политзаключенных трагично — они принадлежат к наиболее чуткой и наиболее честно мыслящей части нашего народа и вместе с тем к изнуренной и озлобленной многомиллионной массе заключенных, многие из которых, кстати говоря, тоже осуждены невинно. Надеюсь, что г-ну Сухареву и его коллегам, которые лишили их свободы, не удастся к тому же еще и оболгать их в глазах тех, кто мог бы им помочь.

Январь 1976, Москва

ПОПРАВКА

Издательство "Хроника" сожалеет, что подписи под копенгагенским "заявлением пяти" ("Хроника защиты" 17) были опубликованы без надлежащей проверки. Редакция получила следующее письмо Льва Квачевского:

Прошу опубликовать мой "меморандум" в связи с появлением в № 17 "Хроники защиты прав в СССР" письма, под которым осталась моя подпись. В Копенгагене часть свидетелей не располагала никакими данными, свидетельствуя на основании сомнительных слухов, а другие пытались примерами из сталинского времени иллюстрировать нынешнюю советскую реальность.

Полагая, что правда о теперешних советских лагерях, тюрьмах, ссылке и надзоре хуже многих выдумок, я решил предложить В. Файнбергу совместно и публично заявить об этом.

Б. Шрагин, которому принадлежит опубликованный в "Хронике защиты прав в СССР" текст, предложил проект письма, встретивший возражения в нескольких важных пунктах. Он обещал внести поправки, и на этом условии мы согласились, чтобы наши подписи были поставлены. Через два часа я с удивлением узнал, что письмо передали корреспондентам без исправлений.

Это уже второй случай с момента эмиграции, когда мою подпись столь бесцеремонно использовали. Не новость, что некоторые из числивших себя за "демократическим движением" считали его своим частным мероприятием, даже "закрывали" его, а оказавшись на Западе, хотели бы формулировать "генеральную линию".

Когда демонстрацию единства за мой счет пора прекращать, я хотел бы кратко изложить свою точку зрения по спорным моментам письма:

1. Я считал бы для себя презренным занятием отвергать право страдальцев на ненависть, не нам вообще судить об этом с нашими смешными сроками или даже только увольнением с работы.

2. Никогда в СССР я не стал бы столь нарочито подчеркивать лояльность, как это сделано в письме; самое большее, на что я был готов, — утверждение, что я не нарушал буквы закона.

3. Отлитая в словесный бетон философия: "Борьба за права человека объединяет людей. Политическая борьба их разделяет", — коренится в

низкой политической культуре участников правозащитных мероприятий. Из политической борьбы (о которой смешно упоминать при разговорах о ситуации в России) выросли институты, без которых демократическая форма правления не функционирует.

Мне всегда казалось, что правозащитные мероприятия — это робкий шаг в верном направлении — к подлинному демократическому движению, которому и с которым предстоит еще немало этапов. Но демократическому способу мышления нужно тоже учиться. История письма из Копенгагена — иллюстрация тому, что обучение этому процессу даже вполне уважаемых людей сопряжено со значительными трудностями.

Лев Квачевский

Вена, март-апрель 1976

СПИСОК ГОСУДАРСТВ, РАТИФИЦИРОВАВШИХ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

*По сведениям Международной лиги защиты прав человека,
на 10 июня 1976 г.*

Барбадос, Болгария, Белоруссия, Чили, Колумбия, Коста Рика, Кипр, Дания, Эквадор, Финляндия, ГДР, ФРГ, Венгрия, Иран, Ирак, Иордания, Кения, Ливан, Ливия, Мадагаскар, Мали, Мавритания, Монголия, Норвегия, Румыния, Руанда, Швеция, Сирия, Тунис, Украина, СССР, Уругвай, Югославия, Ямайка, Чехословакия, Объединенное королевство (Великобритания), Канада.

(Всего — 37 государств.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Международные пакты о правах человека — "Ведомости Верховного Совета СССР" № 17, 28 апреля 1976 г.

А. Солженицын. "Архипелаг ГУЛаг" том 3, ИМКА-пресс, Париж, 1976.

"Хроника текущих событий", вып. 32-33, на английском языке, издание "Международной амнистии", Лондон, 1976.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе — "Ведомости Верховного Совета СССР", приложение к № 33 от 13 августа 1975 г.

Поступления Самиздата

Альтман А., политзаключенный. Заявление Генеральному Прокурору СССР Руденко о нарушении законности администрацией лагеря ВС 389/35, 29 мая 1975 г.

Амальрик А. Статья "Есть ли политзаключенные в СССР?", январь 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Амальрик А. Статья "Советский Союз и внешнеполитические приоритеты Запада", ноябрь-декабрь 1975 г.

Амальрик А. Очерк "Нежеланное путешествие в Калугу", февраль-март 1976 г.

Амальрик А. Статья "Идеологии в советском обществе", 7 февраля 1976 г.

Бауэр М. Обращение во Всемирную федерацию женщин с просьбой побудить советское правительство отменить приговор мужу — Э. Абелю, 1974 г.

Буковская Н.И. Открытое письмо в связи с 5-ой годовщиной ареста В. Буковского в "Международную амнистию", в Международный комитет защиты прав человека в Париже, в Общество защиты прав человека во Франкфурте-на-Майне, ген. секретарю компартии Великобритании Голану, ко всем людям доброй воли, март 1976 г.

Буковская Н.И. Открытое письмо в "Международную амнистию", Лондон, и в Общество защиты прав человека, Франкфурт-на-Майне, 2 февраля 1976 г.

Буковская Н.И. Сообщение для печати (о голодовке В. Буковского во Владимирской тюрьме); 18-25 мая 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Ванзидлер И. Обращение с просьбой о помощи в выезде в ФРГ.

Вернер А. Обращение ко Всемирному комитету по защите прав человека с просьбой помочь освободить мужа, осужденного за желание выехать в ФРГ.

Глузман С., политзаключенный. Заявление прокурору Мадиевскому, 22 сентября 1974 г.

Голумбиевская А.В., учительница из Одессы. Письмо о преследованиях за урок литературы, Одесса, 25 декабря 1974 г.

Горбаль Н., политзаключенный. Заявление депутату Верховного Совета СССР Антонову о голодовке четырех заключенных, октябрь 1974 г.

Здоровец Т., баптистка. Заявление председателю Международного Красного Креста с просьбой принять меры к спасению

жизни мужа — Здоровца Бориса, политзаключенного, сентябрь 1974 г.

Кашка А., крымский татарин. Письмо в "Комсомольскую правду" о преследованиях за принадлежность к крымско-татарскому народу.

Кашка В., крымская татарка. Обращение о преследованиях за желание вернуться в Крым, 6 октября 1974 г.

Клинк М. Заявление во Всемирный комитет по защите прав человека с просьбой помочь облегчить судьбу мужа, осужденного за желание выехать в ФРГ, 1974 г.

Куртсеитов Д., крымский татарин, политзаключенный. Протест в Верховный Суд СССР против его осуждения на 7 лет заключения.

Ланда М. Заявление в поддержку "Открытого письма" матерей и жен политзаключенных, 21 марта 1976 г.

Ланда М. "Владимир Буковский" — заявление в связи с 5-й годовщиной его ареста, 29 марта 1976 г.

Лернер А. Открытое письмо президенту США Форду о проблеме еврейской эмиграции из СССР, 13 сентября 1975 г.

Лернер А. "Открытое письмо ученым США", 20 февраля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Мазинова С. Письмо Сахарову А.Д. в Комитет прав человека с просьбой помочь вернуться в Крым, октябрь 1974 г.

Мешко О. Обращение в защиту сына — политзаключенного Александра Сергиенко, 5 января 1976 г.

Мешко О. Заявление о преследованиях в лагере и с просьбой

содействовать пересмотру дела ее сына — политзаключенного Александра Сергиенко, 16 апреля 1974 г.

Мороз Р. Жалоба Андропову на действия работников УКГБ г. Ивано-Франковска, 14 октября 1974 г.

Некрич А. "Смеем ли мы молчать?" — заявление для печати о суде над Мустафой Джемилевым, 17 апреля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Орлов Ю. Статья "Возможен ли социализм не тоталитарного типа?", декабрь 1975 г.

Сахаров А. Заявление для прессы в связи с инцидентом во время процесса Мустафы Джемилева в Омске, 17 апреля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Сахаров А. Заявление о деле Твердохлебова, 3 мая 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Сахаров А. Обращение к Л.И. Брежневу и премьер-министру Великобритании Вильсону с призывом способствовать освобождению политзаключенных, 4 февраля 1975 г.

Сильницкий Т. Три письма с просьбой о помощи его семье в выезде в Израиль, август 1975 г.

Суперфин Г., политзаключенный. Заявление с просьбой подтвердить, что книги, входящие в Библию, являются литературными памятниками, 5 февраля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Тикка Р. Обращение в Политбюро ЦК КПСС.

Тиссен М. Письмо Анджеле Девис с просьбой заступиться перед советским правительством за мужа, осужденного за желание выехать в ФРГ, 1974 г.

Турчин В., председатель советской группы "Международной

амнистии". Обращение к президенту Уругвая с призывом разрешить расследование обвинения в применении пыток в Уругвае, 23 марта 1976 г. (см. наст. вып.).

Хайло В., баптист. "Записки верующего", обращение к Совету Церквей ЕХБ и к Совету родственников узников ЕХБ, 1974 г.

Хайло В., баптист. "На выезд в Канаду", 13 апреля 1975 г.

Ходорович Т. "Наказание без преступления" — о помещении В. Мороза в карцер Владимирской тюрьмы, 22 февраля 1975 г.

Ходорович Т. Открытое письмо Леониду Плющу, 15 марта 1976 г.

Чуковская Л.К. "Лицо бесчеловечья" (о суде над М. Джемиловым), 23 апреля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Штерн И.А. Жалоба Генеральному Прокурору СССР Руденко на неправильное ведение следствия по делу ее мужа — М. Штерна, 21 октября 1974 г.

Шумук Д., политзаключенный. Обращение в Комиссию по правам человека ООН с просьбой помочь ему лишиться советского гражданства, так как советские власти не отвечают на его отказы от гражданства, 1 августа 1974 г.

Эйдельман М. Обращение "Ко всем евреям мира" с просьбой о помощи в выезде в Израиль, 29 марта 1975 г.

Коллективные произведения

Альбрехт В., Шафаревич И. Заявление по поводу отказа А. Твердохлебову в его просьбе исповедаться у священника, 4 ноября 1975 г.

Марченко А., Тарусевич М. Статья "Tercium datur — третье дано",

август 1975 – январь 1976.

Орлов Ю., Подъяпольский Г., Сахаров А., Ходорович Т. Обращение с призывом поддержать требование политзаключенных о введении официального статуса политических заключенных, 11 февраля 1975 г.

Сахаров А., Белль Г. Обращение к правительству СССР с просьбой способствовать освобождению В. Буковского и С. Глузмана, 18 февраля 1975 г.

Семья Фертих. Обращение ко Всемирному комитету в защиту прав человека с просьбой содействовать освобождению И. Фертиха, осужденного за желание выехать в ФРГ.

Семья политзаключенного баптиста Б. Здоровца. Заявление Генеральному Прокурору СССР Руденко, 9 февраля 1976 г.

536 баптистов Харьковской области. Заявление Генеральному Прокурору СССР Руденко в защиту политзаключенного Б. Здоровца, 9 февраля 1976 г. (опубл. наст. вып.).

91 подпись. Некролог (Григорий Подъяпольский), март 1976 г.

40 подписей. Петиция, призывающая правительство Уругвая разрешить расследование обвинения в пытках, 23 марта 1976 г. (см. наст. вып.).

6 московских евреев (Лернер и др.). Письмо американскому сенатору Э. Бруку "Процедура оформления документов для отъезжающих из СССР в Израиль", 1 февраля 1976 г.

6 московских евреев (М. Азбель, В. Слепак и др.). "Сообщение для печати" о встрече с зав. сектором Отдела административных органов ЦК КПСС А.И. Ивановым и начальником ОВИРа В. Обидиным по вопросам эмиграции из СССР, 16 февраля 1976 г.

Матери и жены политзаключенных (Н. Буковская и др.). Открытое письмо в "Международную амнистию", Лондон, и в Европейскую комиссию по правам человека, Страсбург, о попытках тюремных властей оборвать переписку и свидания заключенных, март 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Группа заключенных Мордовских лагерей. Заявление о голодовке протеста против содержания в лагерях женщин-политзаключенных, 1975 г.

Анонимные произведения

Запись судебного процесса по делу эстонского демократического движения (подсудимые — Солдатов, Мяттик, Кийренд, Юскевич и Варато), Таллин, октябрь 1975 г.

"Вместо протокола заседания Ученого совета Института языкознания АН СССР 25 марта 1976 г." — исключение И.А. Мельчука (опубл. наст. вып.).

Список узников ЕХБ на 1 февраля 1976 г.

Интервью с неофициальным художником А. Калугиным, конец 1975 г.

Сообщение о зам. начальника 2-го отдела Главлита Соколове, в течение 15 лет переправлявшем на "черный рынок" конфискованную литературу и осужденном на 7 лет заключения.

Документы ассоциаций

Группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР. Обращение к главам государств, подписавших Заключительный акт в Хельсинки, и международные правозащитные и психиатрические ассоциации в связи с направлением В. Мороза на психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского (опубл. наст. вып.).

Группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР. Документ об образовании и задачах группы, май 1976 г. (опубл. наст. вып.)

Группа содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР. Информация о нарушениях контактов между людьми в сфере международной почтовой и телеграфной связи, 27 мая 1976 г.

"Устав Союза Церквей ЕХБ", изд. Совета Церквей ЕХБ, 1974 г. (см. наст. вып.).

Официальные документы

Обвинительное заключение по делу Абея Э.Р. (ст. 170-1 УК Каз. ССР), 1974 г.

Определение Кассационной коллегии Верховного суда РСФСР по делу Павлова В.М. (приговоренного к 3 годам заключения по ст. 190-1), 4 ноября 1971 г.

Повременные издания

Бюллетень Совета родственников узников ЕХБ в СССР, вып. 26, 1975 г.

Двадцатый век, общественно-политический и литературный альманах под ред. Роя Медведева и А.Р. Лерт (опубл. TSD Publication, London 1976).

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

Абель Э.	71, 77	Брайловский В.	45	Гинзбург А.	5-8, 45
Абрамович П.	45	Братхольм	46	Гладилин А.	47
Азбель М.	75	Брауэр Р.	34	Глузман С.	46, 56, 57, 58, 71, 75
Алексеева Л.	5-8, 27, 45	Брежнев Л.	47, 73	Глухман М.	52, 53
Алфорс Л.	34	Бродский И.	45	Голан	71
Альбрехт В.	45, 48, 74	Брук Э.	75	Голумбиевская А.	71
Альтман А.	70	Бузырова Н.	31-33	Гольдштейны Г. и	И. 36
Амальрик А.	43, 45, 63-67, 70	Буковская Н.	25, 26, 31-33, 71, 76	Гольфанд Ю.	45
Андропов Ю.	73	Буковский В.	12, 14, 15, 25-26, 31-33, 46, 58, 71, 72, 75	Горбаль Н.	71
Анненес	46	Валитова И.	45	Григоренко П.	5-8, 27, 45, 57
Антонов	71	Ванзидлер И.	71	Давидович Е.	47
Апресян Ю.	50	Варато А.	76	Давыдов Г.	32
Арон Р.	26	Великанова Т.	34	Даниэль Ю.	53, 60
Артин М.	34	Венцлова Т.	45	Дворянский В.	14, 19, 20, 21
Атия	34	Вернер А.	71	Девис А.	73
Балахонов В.	45	Вильсон	73	Дектор Ф.	45
Барабанов Е.	48	Вильямс Н.	45	Дешериев Ю.	53, 54
Бауэр М.	71	Владимирский Б.	32	Джексон Г.	44
Бейлина Д.	36	Войнович В.	45	Джемилев М.	5, 12, 13-21, 26, 33, 73, 74
Беккет С.	46	Вудка Ю.	43	Дудко Д.	43
Белль Г.	46, 56, 75	Габай И.	14	Дышель	57
Белоозеров Н.	45	Гаврилов Г.	59	Дюран Ш.	40
Бернштам М.	5-8, 32, 47	Гаджиева Н.	49, 50, 54	Евдокимов Б.	46
Берс Л.	34, 38	Галансков Ю.	14, 59, 60	Елисеев Ю.	49, 51, 54
Богданов	9	Гастев Ю.	45	Желудков С.	32, 45
Богораз Л.	45	Гвинтер А.	45	Жильцов В.	59
Боннэр Е.	5-8, 14, 45	Генкин С.	45		
Борел А.	34	Герш Ж.	40		
Борисов В.	45				
Борн Г.	40				
Бот Р.	34				

Жуно А.	40	Ленин В.И.	63	Петров-Агатов А.	
Зариски О.	34	Лунц А.	45		45
Здоровец Б.	29,30, 72,75	Любарский К.	12, 32	Петровский	63
Здоровец Т.	71	Люка Л.	40	Плющ Л.	9-11, 27, 57, 58, 74
Зингер И.	34	Мазина С.	72	Подгорный Н.В.	26
Иванов А.И.	75	Майтинская К.	52, 53	Подъяпольская А.	32
Игнотас М.	44	Маресин В.	43	Подъяпольский Г.	75
Исакова В.	31-33	Маркс К.	61	Пономарев С.	59
Калынчек З.	25	Марченко А.	5-8,74	Праздникова	9
Калугин А.	76	Мацеевский	71	Престин В.	45
Кандель Ф.	45	Мельчук И.	49-55, 76	Пятецкий-Шапиро	И. 45
Капранов М.	59	Менделевич И.	33	Рамм Д.	45
Кастберг	46	Мешенер И.	47	Расторгуева	51, 53
Кастлер А.	46	Мешко О.	31-33, 72	Ребрик Б.	33
Кашка А.	72	Мирбах	64	Рид Д.	62
Кашка В.	72	Монтгомери Д.	34	Романюк В.	12
Квачевский Л.	68, 69	Мороз В.	27, 33, 74, 76	Рубин В.	5-8, 27,35, 45, 47
Кийренд М.	76	Мороз Р.	73	Руденко Н.	45
Клайн Э.	5	Морс М.	34	Руденко Р.	70,74,75
Клинк М.	72	Мостоу Дж.	34	Салова Г.	31-33
Ковалев С.	10, 12, 15, 22, 26, 43, 44, 46, 47	Мяттик К.	76	Сартр Ж.-П.	46
Колшанский Г.	55	Некрасов В.	56-58	Сахаров А.	9-12,14, 15, 16, 34, 37, 45, 52, 72, 73, 75
Корнилов В.	45	Некрич А.	13-15, 47, 73	Светличная Н.	47
Корчак А.	5-8, 45	Норман К.	35	Светличный И.	12
Котов Р.	53	Обидин В.	75	Сергиенко А.	12, 31, 72, 73
Красин В.	22-24	Ольховая Н.	32	Сильницкий Т.	73
Кумахов М.	49, 53	Орлов Ю.	5-8, 27, 34, 45, 73, 75	Синявский А.	53,60
Куртсеитов Д.	72	Осипов В.	12, 43,46	Слепак В.	36,45,75
Лавут А.	45	Павленков В.	59-62	Соколов	76
Ланда М.	5-8, 72	Павлов В.	77	Солдатов С.	76
Левич	37	Панкратов М.	59-62	Солженицын А.	9, 11, 56, 62, 70
Лернер А.	35-36,72, 75	Пеккер М.	45		
Лернер В.	35				

Солсбери Г.	5	Фертих И.	75	Штерн М.	46, 74
Сольмс Х.	40	Форд Дж.	72	Шульц	26
Старчик П.	45			Шумук Д.	74
Суперфин Г.	15, 28, 31, 32, 46, 73	Хайло В.	74	Щаранский А.	5-8, 35
Сухарев	26, 63-67	Хейман Э.	45	Щелоков	26
		Хендлер Ф.	37		
		Хиронака Х.	34		
Тарусевич М.	74	Ходорович Т.	34,	Эверс А.	49
Твердохлебов А.	6, 9-12, 26, 46, 47, 48, 73, 74		43, 74, 75	Эйдельман М.	74
Тейт Дж.	34	Чемоданов Н.	53	Эммануэль П.	26
Тикца Р.	73	Чомский Н.	49		
Тиссен М.	73	Чуковская Л.	17, 20, 21, 74	Юдович Л.	9
Троцкий Л.	63			Юскевич А.	76
Турчин В.	10, 45, 48, 73	Шафаревич И.	34, 74	Якир Е.	45
				Якир П.	22
Уейл А.	34	Шахламова Э.	51	Якобсон Н.	34
Уитни Х.	34	Шахнарович А.	49	Ярцева В.	49, 50, 53-55
Упсал	46	Шестак Дж.	5		
		Шиханович Ю.	32		
Файнберг В.	27, 68	Шостаковский	45		
Федоров Ю.	33	Шрагин Б.	68		
Федотов	33	Штейн Е.	59-62		
		Штерн И.	74		

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ХРОНИКА"

АНДРЕЙ САХАРОВ "О стране и мире" и другие произведения.

Сборник. Цена 6.00, авиа 7.00

ЛИДИЯ ЧУКОВСКАЯ "Открытое слово". Публицистика.

Цена 5.00, авиа 6.00

"САМОСОЗНАНИЕ". Сборник статей под редакцией Литвинова, Шрагина, Меерсона-Аксенова. (Статьи Е. Барабанова, М. Меерсона-Аксенова, П. Литвинова, Г. Померанца, Б. Шрагина, Р. Пайпса, Л. Копелева, Д. Нелидова). Цена 9.00, авиа 10.00.

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ЭСТОНСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ. ОКТЯБРЬ 1975 г. Документ из Сам-издата. Цена 1.00, авиа 1.50

Khronika Press, 505 Eighth Ave., New York, N. Y., 10028

\$ 4.50